

МЁРФИ КЛАРК

ПОСЛЕДНИЙ СОН

Мёрфи Кларк

Последний сон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70011592

SelfPub; 2023

Аннотация

По настоянию сестры Делайла Адиссон отправляется навестить свою соседку – учительницу, которая вышла на пенсию. Одинокая женщина демонстрирует гостю самое ценное, что у неё есть – семейный фотоальбом, где запечатлены счастливые моменты её некогда большой семьи. Делайла сбита с толку – у её семьи нет ни одной фотографии, а истории о прошлом никогда не звучали в стенах её дома. Почему же у них нет того, что является столь обыденным для других людей? И что важнее: почему после визита к соседке стало сложнее отличить сон от реальности?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	25
Глава 4	33
Глава 5	43
Глава 6	56
Глава 7 – Леланд Дархам	74
Глава 8	77
Глава 9	87
Глава 10	97
Глава 11	104
Глава 12	118
Глава 13	131
Глава 14	141
Глава 15	149
Конец ознакомительного фрагмента.	153

Мёрфи Кларк

Последний сон

Пролог

В восемнадцатом столетии хорошие доктора были на вес золота. Любой готов отдать всё, чем владеет, лишь бы ему спасли жизнь или избавили от мучений. Но венецианский врач лечил пациентов не ради денег, он любил своё дело и отдавал ему всего себя. Посему его нельзя было назвать богатым, но слово «благодатный» подходило ему как ничто иное. Имени врача никто не знал – тот всегда представлялся одной улыбкой.

Путешествуя с континента на континент, врач заметил, какими яркими стали его сны. Снилось пустыня, над которой пролетали тысячи краснопёрых птиц, озёра, отражающие пронзительную синеву небосвода, и поля, усеянные цветами любой масти. Но больше всего запомнилась дорожка, усыпанная белым песком. По ней, не поднимая глаз, навстречу ему шла незнакомка. К удивлению, сколько бы шагов она ни прошла, ближе друг к другу они не становились. Проходили ночи, сон за сном, но расстояние не сокращалось. Может, она ждёт его? Что-то подсказывало врачу – девушка действительно живёт на этом свете, она не просто образ, вы-

думанный его сознанием.

Позабыв о врачебном долге, мужчина бросился искать девушку, которая приходила к нему в свидениях. Он описал её художнику, а тот перенёс на холст мутные черты. Вооружившись портретом, мужчина искал по всему свету, побывал в каждом уголке мира, но так и не нашёл. В одной австрийской деревеньке он познакомился с женщиной, что пекла хлеба, которые каждое утро продавала в местные лавки. Приходили туда люди и много чего рассказывали, пока стояли в очереди за свежее испечённым хлебом. О чудесах, произошедших с ними в этом году, о неудачах и слухах, гуляющих по деревне. И, конечно же, пекаршу они стороной не обошли.

Женщина отложила буханку для гостя, что выглядел измотанным долгой дорогой. Поведала, что есть в деревне старец, который любую просьбу исполнит, что ни попроси. Глаза путника загорелись, он попросил немедленно отвести его к этому человеку. Если кто-то, обладающий Божьим даром, поможет в поисках, то он преуспеет и, возможно, даже добьётся цели. Уж на это он готов потратить все свои деньги. Но всё оказалось намного проще. Старец, ни секунды не колеблясь, помог врачу, но вознаграждения не взял.

«Ищи её в деревне под названием Тавру», – сказал он.

На картах, даже детальных, такого поселения и в помине не было. Путнику понадобилось четыре месяца, чтобы отыскать деревню, а позже и саму девушку. Он сразу её узнал.

Она словно ждала его с давних пор – улыбнулась незнакомцу при первой же встрече. А врач прожил там целый год, ухаживая за ней и обучая итальянскому, пока она наконец не согласилась поехать в Западные земли.

По возвращении в Венецию, он заметил, что ему не снятся сны с тех пор, как встретил иноземку. Мужчина был так ослеплён счастьем, что даже не обратил внимания – сны внезапно покинули его. Или, может статься, он больше не в силах отличить сон от яви?

Глава 1

1978 год.

Странное воспоминание из детства внезапно пробудилось сегодня утром: отец иногда называл маму чужим именем. Никак не могу вспомнить, каким именно, но точно знаю, что оно не принадлежит кому-либо в нашей семье. Мои размышления прерывает голодный желудок – нужно спускаться к завтраку. Одна ступенька на лестнице скрипучая – она и знаменует мой приход. Я замираю на месте, рассматривая открывшуюся моему взору картину: сестра, склонившись над столом, старательно осыпает запеканку натёртым сыром. Она поворачивает голову, глаза её расширяются, словно я удачно попала под руку.

– Отнесешь запеканку мисс Блейнт? – улыбается Дженис и, прежде чем я успеваю ответить, добавляет. – Я ничего не успеваю. Роки сейчас заедет за мной, мы собираемся на пикник и вернёмся только вечером, к тому времени она испортится.

Мисс Блейнт – это наша учительница биологии, которая ушла на пенсию после того, как её сестра умерла в прошлом году. У неё нет ни детей, ни мужа, поэтому она осталась одна в сером домике через дорогу, выходит только за покупками и даже не общается ни с кем из наших общих соседей. Сестра время от времени носит ей всякие вкусности, говорит с

ней о чём-то часами и возвращается домой с вязанными свитерами, которые часто надевает поверх рубашек в холодную погоду.

Я спускаюсь, придерживаясь за поручень.

– Хорошенько её упакуй, чтобы она не выпала как в прошлый раз, – дотрагиваюсь до тарелки рукой и в ту же секунду отдёргиваю и машу ей. – Горячо! И как я её понесу?

Дженис хмурится.

– Она только из духовки, балда!

Я смотрю на нее и обречённо вздыхаю:

– Не хочу никуда идти.

Она упирает одну руку в бок.

– Правда откажешь сестре? Я ведь так редко прошу тебя о чем-то.

– Я не говорила, что не пойду, я сказала, что не хочу.

Дженис вручает мне обернутую в пищевую бумагу запеканку.

– Я тебя обожаю! Зайди и обязательно поболтай с ней, она это любит.

Я обхватываю горячую тарелку по краям, чтобы не повторить свой печальный опыт. Взгляд Дженис такой мягкий и теплый, что я невольно сменяю недовольное выражение лица на сносное. Светлые волосы, завязанные в хвост, струятся по её плечам, обрамляя шею. Зелёное кримпленовое платье в клетку чуть выше колен, двигается в такт её движениям, готовое унести свою хозяйку на очередное свидание.

Говорят, что мы с Дженис не можем быть сестрами, так как между нами нет ни капли сходства – мои волосы вобрали в себя самый тёмный оттенок из всех существующих, а цвет глаз я унаследовала от отца (у него они настолько яркие, что напоминают весеннюю зелень).

Всё же когда люди видят наших родителей, понимают, что мы просто копии одного и другого. Даже цвет глаз Дженис унаследовала от мамы: этот тёплый карий, напоминающий поздний закат, часто становится предметом восхищённых вздохов.

Сестра заученным движением приглаживает волосы и оборачивается на звук подъехавшей машины. Раздается сигнал. Приехал Роки. Она так быстро обегает меня, хватая сумочку и шляпку с дивана и выбегает на улицу, сверкая ба-летками, что я даже не успеваю пожелать ей удачи. Хлопок двери и визг шин приводят меня в чувство – запеканка же остынет!

Когда раздается второй хлопок входной двери, я уже тяну ногу к первой ступеньке. За уехавшей машиной поднимается вихрь пыли, которая делает жизнь в Уэстфорде в разы сложнее. Секунду я гляжу им вслед и продолжаю шаг.

Каждый день дома в нашем городе покрываются толстым слоем пыли. Всякая проезжающая машина будит спящего «песочного человека», который ослепляет прохожих, словно туман. Вот и я сейчас пересекаю дорогу сквозь летающую пыль и вскидываю ладонь к лицу в попытках защитить глаза.

В этой ситуации удобнее всего запеканке – обернутая со всех сторон, она даже не подозревает, что её несут, глотая пыль.

Когда пыль немного оседает, мой взгляд скользит в сторону двигающихся фигур: люди выходят в сад, срывают сорняки, стригут деревья и кусты, кто-то чистит москитные сетки и намывает окна, которые все в разводах после майских дождей. Вот и причина, по которой приезжие именуют Уестфорд «городом пыли».

Едва я ступаю на территорию мисс Блейнт, она распахивает дверь и, поправив очки, окидывает меня взглядом.

– О, Делайла, это ты? Заходи, дорогая! Как же ты меня напугала, я думала, снова соседские псы...

Внутри ничего не изменилось. Дом совсем маленький, но, когда попадаешь внутрь, понимаешь – это кладезь воспоминаний. Кажется, эта женщина ничего не выбрасывает, а хранит, как подтверждение жизни, которую прожила. Например, ракетка для большого тенниса стоит в углу на самом видном месте. Грамота о победе в конкурсе учителей года за 1956 год стоит в рамочке на комод у входа в гостиную. А разрисованная тарелка, привезённая из Парижа в качестве сувенира, неизменно располагается на маленьком чайном столике. Из стеклянного шкафа виднеются куклы и шкатулки, которые, по моим предположениям, являются музыкальными.

Я оборачиваюсь и вижу, как мисс Блейнт суетится над кухонным столом, стараясь заполнить его чем-нибудь съедоб-

ным. Запах жаренной курицы быстро распространяется по душному помещению.

– Мисс Блейнт, не стоит вам, правда. Я совсем не голодна.

Не важно, что я даже не завтракала, мне достаточно знать, что каждый цент для неё на счету.

– Как я могу упустить возможность пригласить тебя на чай? – она хлопает рукой по деревянному стулу. – Давай, садись. Тебя я вижу редко, в отличие от твоей сестры. Чудесно, что ты пришла! Как знала, что будут гости – купила куриную грудку на четыре унции больше, чем обычно.

Мисс Блейнт принимается раздвигать шторы, чтобы впустить немного света в мрачное помещение. Маленькими шажками она передвигается из одной части кухни в другую. Одна нога буквально становится на носок другой, когда она ступает.

– Я всегда говорила, что этому дому не хватает людей, которые делали бы его живым. Если есть ради кого раздвигать шторы по утрам, значит, есть ради чего жить.

Не отрывая взгляда от пара, который струится над чашкой чая, я опускаюсь на стул и кладу запеканку рядом с тарелкой с жаренной курицей.

– Дженнис передала вам запеканку. Она очень спешила, поэтому не успела занести. Хотите помощи вам развернуть её?

Мисс Блейнт, которая бегает туда-сюда, вдруг останавливается и садится за стол напротив меня.

– Я слышу эти визжащие шины почти каждое утро, Делайла, – её губы растягиваются в улыбке. – Думаю, у неё теперь не будет времени ни на кого из нас.

После завтрака мисс Блейнт отводит меня в гостиную, чтобы рассказать о том, как она получила грамоты и что тарелка из Парижа разрисована художником, который предлагал ей выйти за него замуж. Но она была не готова остаться в Париже, её ждала работа и ученики, которые отправляли весточки с просьбой поскорее вернуться. Романтические чувства чужды ей, если она и любила что-то всем сердцем, то только школу.

– Подожди-ка, – мисс Блейнт бросает спицы, которые схватила, как только села в кресло. – У меня есть кое-что, что я давно никому не показывала. Хранится в шкафу в спальне, придётся за ним сходить.

Через минуту она возвращается, отряхивая пыль с толстого блокнота. Выглядит он так, будто его заполнили множеством иллюстраций. Никогда не видела, чтобы записные книжки пичкали таким количеством рисунков, обычно главную роль в них играют тексты.

– Это ваш личный дневник?

Мисс Блейнт поправляет очки и качает головой. Она семенит ко мне и опускается рядом.

– Давай, открой его.

Цветочная обложка того, что я назвала блокнотом, шелестит под моей рукой.

– Это мой отец, – с улыбкой произносит мисс Блейнт, указывая на улыбающегося мужчину, который держит на руках темноволосую девочку, – а это я у него на руках. Дальше интереснее, фотографии Мишель намного милее моих.

Я начинаю листать фотоальбом то туда, то обратно:

– Да, вы правы. Боже, их так много, да здесь вся ваша семья!

Мисс Блейнт поднимает голову и пристально разглядывает моё лицо. Может, она думает, что я совсем глупая, раз удивляюсь чему-то, что является элементарным в её понимании? Не знаю, что внутри меня кипит сильнее – стыд или неловкость, но я стараюсь не выдать себя.

– Хочешь сказать, что никогда прежде не видела семейный альбом?

Я киваю, и мисс Блейнт принимается рассказывать, что такие альбомы есть у каждой семьи, даже самой неблагополучной. Они пересматривают эти фотографии и вспоминают молодость, родных, которые слишком рано их покинули и ту жизнь, где не было одиночества. Черно-белые фотографии из альбома, словно фильм, показывают счастливую молодость мисс Блейнт. С изображений на нас глядят её сестра и мать, а сама она предстаёт на фоне загородного дома, который, по её словам, продали после смерти матери. Улыбка учительницы потухает – её задумчивый взгляд наталкивает меня на мысль, что она, возможно, очень скучает по прежней жизни.

– Разве они есть у всех? – спрашиваю я, не отводя взгляда от застывшего на глянцевой поверхности отца мисс Блейнт. – Эти альбомы.

Облюбовав последнюю фотографию, я захопываю альбом, наблюдая за пылинками, которые устремляются в разные стороны. В душу закрадывается чувство, что я упускаю что-то очень важное. Оно щекочет нервы, проникает под кожу и вылезает где-то в области лба в виде рассекающей морщинки.

– Это атрибуты семейной жизни, – произносит мисс Блейнт. Она снимает очки, протирает их носовым платком и водружает обратно. – Хочешь-не хочешь что-то да откладывается, а потом пылится в шкафу или затеряется где-то в доме, но для членов семьи оно бесценно.

Я предлагаю ей поставить этот альбом на самое видное место, но она отказывается, объясняя это тем, что крайне редко его достает, так как тяжело осознавать, что людей с этих фотографий больше нет. Именно поэтому она убрала все рамки со снимками, которые были расставлены по дому.

Попрощавшись с Мисс Блейнт, я возвращаюсь домой и принимаюсь готовить завтрак отцу. Уже девять. Он, наверное, проснулся и ждёт. Не хочу, чтобы он думал, что о нём забыли. Если бы не запеканка, которая норовила остыть, я бы управилась намного раньше. Судя по зашторенным окнам, мама ещё не спускалась. Значит, у меня есть время до того, как она заметит, что я опоздала с завтраком для отца.

Её недовольство ложится тяжёлым грузом на плечи, а это последнее, чего я хочу.

Приготовив яичницу, принимаюсь нарезать свежие овощи. В доме царит тишина. Если бы не Роки, который почти каждый день мучает шины в нашем дворе, соседи бы думали, что здесь никто не живёт.

Я раньше не сравнивала нас с теми обычными счастливыми семьями, которые живут по соседству, которых показывают нам по телевизору по вечерам, когда уставшие после работы люди садятся смотреть мелодрамы. Но сейчас я словно впервые в жизни решила высунуть голову из панциря, осмотреться и найти наконец, с чем можно сравнить нынешний порядок вещей в нашей семье. Хотя я и задавалась этими вопросами даже будучи в начальной школе, сравнить мне было не с чем.

Например, я всегда считала, что в жизни не может быть той любви, которую показывают в кино, и что соседи просто стараются выглядеть идеальными перед гостями. Уестфорд – небольшой город, каждая семья хочет хорошую репутацию для своей фамилии. Но сегодня, разглядывая фотографии из альбома мисс Блейнт, я задержалась на одной из них, где её родители, взявшись за руки, склонились над полевыми цветами. Они выглядели счастливыми. Это была неподдельная радость, которую я научилась распознавать с тех пор, как Дженис начала прятать за улыбкой очередную ссору с Роки. Пытаясь подобрать правильное слово, на пару секунд я да-

же перестаю резать овощи. Безмятежность. Это была безмятежность, про которую в этот раз мне не пришлось читать в книгах или выискивать у главных героев мелодрам.

Ещё одна фотография, которую я наскоро пролистнула, вспыхивает в памяти. Огромный стол, окружённый по меньшей мере дюжиной гостей. Мисс Блейнт стояла за спиной одного из них, как величественная хозяйка дома. Возможно, в сердце просто закралась обида, поэтому меня так задела эта фотография. В нашем доме никогда не было гостей, за исключением Роки и нескольких моих подруг, которые заглядывали к нам на праздники.

Бабушка, что живет за городом, никогда не навещает нас. Когда я была маленькой, мама отправляла меня к ней, чтобы не мешала ей шить одежду для клиентов, которые заказывали что-то вычурное. Иногда она срывалась на мне, потому что машинка могла зажевать ткань, когда я отвлекала её своей болтовнёй. Мама нередко шила яркие и миниатюрные платья для меня и Дженис, свитера и утеплённые брюки для Приама, но больше всего она любила шить шторы в гостиную и менять их каждый сезон.

В тридцати футах от дома отец построил небольшое помещение (в качестве кладовой). Сейчас оно принадлежит маме – она принимает там клиентов, снимает мерки и отдаёт заказы. Мы называем её мастерской.

Всего раз отец попросил её сшить для него костюм, но она будто не слышала его. Его слова и просьбы разбивались

о её равнодушие и никогда не были сказаны вновь. Честно говоря, я даже не помню, когда она в последний раз называла его имя.

Не знаю, любит или ненавидит маму отец, но он прекрасно её знает. Он знает, как она любит роскошь, как мечтает о том, чтобы каждая мелочь в её доме приобреталась за крупную сумму у авторитетных владельцев своего бизнеса, как она грезит наяву иметь то, чего нет у других. Несмотря на это, отец отдал наследство, которое оставил ему дедушка, на благотворительность, и построил дом с самыми дешёвыми материалами, которые только нашёл на строительном рынке.

Я помню, как он скрылся за дверью чердака и, вновь появившись в проходе, заявил: «Ваши с братом спальни больше не будут протекать. Отнесите тазики и вёдра вниз». Но их с мамой спальня осталась прежней, всё так же сырая, холодная, с капающей с потолка дождевой водой и жёлто-серыми пятнами, что остались после протечки.

Иногда рано утром я просыпалась из-за грохота – только распахнув глаза, мама обычно дотрагивалась до насквозь промокшего одеяла и разбрасывала постельное бельё по всей комнате. Так проходил каждый сезон дождей.

За завтраком она снова и снова заводила разговор о том, что её спальня ещё протекает и с этим нужно что-то делать. Отец, не поднимая взгляда от тарелки, отвечал, что он уже сделал всё, что мог, а плотник, которого мама в тайне от него пригласила домой, не только не улучшил ситуацию, но

и украл одну из дорогих ваз, что была частью её приданного. Приам уже предлагал продать этот дом и купить другой, поменьше, одноэтажный, но я отказалась, и Дженис тоже. Она не хочет жить в тесноте, а я не хочу покидать место, в котором столько воспоминаний. К тому же вряд ли мы заработаем достаточно денег, чтобы построить ещё один такой. Не тогда, когда опустились на новый уровень бедности, не тогда, когда отец слёг от болезни и больше не может работать. Поэтому я не хочу терять единственное во всем мире родное для меня место. Дом не маленький, в него вложено много усилий.

С тех пор как папа заболел, а брат начал работать на вахте, у нас почти не бывает совместных завтраков. Маму и Дженис это, казалось бы, не волнует. Но есть кое-что более странное и обидное – у нас нет семейного альбома. И я сомневаюсь, что найду даже подобие его, если обыщу все шкафы в доме.

Семья может рассыпаться, как ожерелье с бусами, нанизанное на непрочную нить, сказала мне мисс Блейнт, когда я уходила от неё, нет ничего ценнее наших родных, береги себя, береги Дженис и маму, передай им, что я всегда буду рада видеть их в своём доме.

Глава 2

Готовый завтрак во главе со мной уже направляется к спальне отца. Прежде чем постучаться, я прислушиваюсь. Вдруг ему нужна помощь? Всё ли с ним в порядке? Может, сегодня он захочет увидаться со мной?

Я кладу поднос с едой на пол рядом с дверью и стучу три раза:

– Папа, прости, я запозднилась сегодня, Дженис попросила кое-что сделать с утра, и я была немного занята, – я сцепляю руки перед собой. – Твой завтрак здесь.

Тишина.

Я прислоняюсь к двери в надежде уловить малейший шорох, но мертвая тишина бьёт по мне сильнее, чем оглушительный звук из огромных колонок, которые открывают весенние Уестфордские ярмарки приветственными мелодиями.

Пару минут я стою, переминаясь с ноги на ногу, и нехотя направляюсь к лестнице. Чем дальше иду, тем больше становится ком в горле. Хочу опуститься на одну из ступенек и обхватить себя руками, но замираю, когда вижу маму, которая неслышно распахивает дверь своей спальни и двигается мне навстречу.

– Снова с этим подносом? Хватит носить ему еду.

Я вздрагиваю от её ледяного тона и озадаченно заглядываю

ваю ей в лицо:

– Насколько я помню, ты попросила меня об этом.

Она сжимает губы и обхватывает поручень у самого основания лестницы. Взгляд её потускневших карих глаз врежется мне в лицо, словно стальная игла.

– Это было два месяца назад, Делайла. Захочет есть – спустится и приготовит. Больше не попадайся с этим подносом мне на глаза.

Если судить по моему опыту споров с матерью, я их никогда не выигрывала и не могла добиться от неё какого-либо снисхождения. Будучи человеком непоколебимым, она принимает только такой порядок вещей, который ей по душе. Даже если против её слов или решений выступает абсолютное большинство, маму это ни капли не волнует. Либо будет так, как сказала она, либо никому не будет покоя в этом доме. В какой-то мере мы к этому привыкли, но в таких ситуациях, как эта, я всегда борюсь с желанием возразить и предложить компромисс, который устроит нас обеих. Единственное, чего опасаясь – это её колких слов, которые она тщательно подбирает, чтобы ударить побольнее. А я не хочу копить обиды, от них никакого толка, одни проблемы.

– Позвони в клининговую компанию, пусть пришлют кого-нибудь для уборки первого этажа, – она спускается по лестнице, – встретить их и объясни, что к чему. Нужно сшить двадцать платьев для девочек, выступающих в хоре – меня прошу не беспокоить.

Я бросаю взгляд в сторону подноса, который лежит в пяти шагах от меня и начинаю спускаться за ней. Звонок в клининговую компанию заканчивается через пятнадцать секунд после того, как на той стороне поднимают трубку: пришлите двух работников на Хэндсом стрит тридцать пять, нужно убрать первый этаж. Нет, мансардного нет. Да, нужны очень ответственные работники. Подходит. Спасибо, до свидания.

На удивление, мама решает завтракать не на кухне, она берёт целый поднос еды и молча скрывается за дугообразной лестницей. Обычно, она никогда не берёт еду с собой. Но такой объём работы ей поручили впервые – надо же, двадцать платьев. Она отличается усидчивостью и трудолюбием, её тяга к труду передалась и Приаму – он работает не покладая рук, чтобы мы с Дженис могли позволить себе хотя бы малую часть радостей жизни.

Отец работал на стройках, пока не заболел, и это был наш основной доход. После того, как он слёг, вся финансовая ответственность легла на плечи мамы и брата. Она каждый день шьёт одежду и выделяет четверть заработанных денег на рекламу тканых услуг. А брат работает на вахте, не появляется дома чуть больше месяца, приезжает на недельку-другую, оставляет нам львиную долю своей зарплаты и уезжает обратно. Сегодня тридцатый день его отсутствия.

Пока жду работников клининговой компании, я поднимаюсь в свою комнату за медицинской энциклопедией. В гостиной удобнее всего читать: принимаешь любимую позу на

мягком диване и читаешь, время от времени поглядывая в сторону двери, в которую вот-вот постучатся.

На самом деле, я прочла эту книгу от корки до корки, но люблю перечитывать, пока не появятся деньги на новую. В шесть лет из этой энциклопедии я узнала, что сон – это так же важно, как и еда. Если без еды мы можем прожить около месяца, то без сна не более семи или восьми суток. Узнав такую суровую правду, я всегда старалась ложиться вовремя и не пренебрегать временем, отведённым на отдых. Лишь иногда хотелось нарушить это правило, забыть обо всех опасностях и делать все, чего душа пожелает.

Но ночью даже звук шагов слышится по-другому. Каждый шаг отдавался бы тяжёлым стуком, словно нога вот-вот провалится в пустоту между досками, которая, наверняка, кишит пауками и мертвыми коконами насекомых, что стали их жертвами.

Каждый спуск и подъём по лестнице напоминает мне тяжёлое дыхание отца, когда тот взбирался на второй этаж, преодолевая воздействие неизвестной болезни на его организм. Слишком громко. Раньше никто не шумел в этом доме поздно ночью. Казалось, словно жизнь покидает эти стены и возвращается лишь к утру. Хотелось выскочить из комнаты, забежать на кухню и, включив свет, пожевать немного сладостей, спрятанных на верхней полке шкафа так, чтобы муравьи, совершающие частые нападки на наше имущество, возвращались в свои укрытия ни с чем (мама обычно кладёт

их в жестяную банку с плотно прилегающей крышкой). И я была тем самым муравьём, которого не пугали никакие высокие шкафы.

Но в нашем доме подобное было под запретом. Отец не разрешал будить нас до девяти утра летом, а ночью каждый шорох мог стать поводом для скандала ранним утром, что делало его достаточно тревожным и давящим. Обычно скандал устраивал кто-то из родителей, чей чуткий сон был потревожен, а может даже прерван на всю оставшуюся ночь.

После десяти подъезжает машина клининговой компании. Выполнив свою задачу инструктора, я загораюсь идеей приготовить кексы. В процессе обнаруживаю, что крем закончился и придётся пустить в ход изюм. Всем этим закупается Дженис – она любит готовить выпечки по рецепту из журналов в надежде попасть на кулинарный конкурс штата, а пока довольствуется первым местом на ежегодных Уестфордских ярмарках.

К тому времени, как я достаю кексы из духовки, работники клининговой компании заканчивают уборку и вместе со своим оборудованием спешат покинуть дом. Пять центов и пара кексов – всё, что могу предложить им в качестве чаевых. Так как мой десерт лишился единственного украшения, осыпаю его сахарной пудрой. По лестнице я поднимаюсь с тяжелым сердцем. Мама напоминает магнит, который разворачивается к тебе идентичным твоему полюсом, когда пытаешься приблизиться.

Звук активно работающей швейной машинки я улавливаю ещё на лестнице. Не стучусь, просто тихо отворяю дверь и бесшумно двигаюсь в сторону маминого стола. Дополнив её завтрак двумя кексами, бросаю на неё недолгий взгляд. Никакой реакции. Она полностью погружена в работу – старательно проводит строку на синей атласной ткани.

По пути назад мой взгляд падает на одинокую дверь, глядящую на стену между нашими с Дженис дверьми. В этой части дома не наблюдается особых изменений, отсутствует лишь одна деталь – поднос, который я принесла пару часов назад.

Глава 3

Когда ветер в очередной раз приводит мои волосы в беспорядок, я снова радуюсь тому, что обернула кексы в пищевую бумагу. Дом Пепси располагается чуть левее от дома мисс Блейнт. В доме Уайтов я не была с тех пор, как Пепси – моя школьная подруга – уехала учиться в колледж. Я скучаю по ней временами, иногда даже завидую – никто из нас, даже Приам, не смог поступить в колледж, потому что, оплачивая обучение, нам было бы нечего есть.

На самом деле, отец собирался отправить Приама в колледж, когда он закончил школу, но тот заявил, что хочет не учиться, а работать. Бедность тяготит брата, а мысль о том, что придётся тратить на колледж огромные деньги, просто сводит его с ума. Со временем здоровье начало подводить отца, он брал всё больше выходных и зарабатывал меньше. Дженис не захотела учиться после окончания школы, а я осталась без возможности получить высшее образование из-за сложного финансового положения нашей семьи.

Пепси Уайт приезжает к родителям летом на месяц, в остальное время года ограничивается визитами в праздничные дни. У неё есть младшая сестра, которая только окончила пятый класс, поэтому Уайты не так уж и расстроились, когда узнали, что придётся отпустить свою дочь на сотни миль от дома. «Слава богу, ты не единственный мой ребёнок», –

сказала миссис Уайт, провожая Пепси во взрослую жизнь.

В детстве мне очень нравилось нажимать на кнопку звонка на их двери. Когда Пепси собиралась домой, я просила её разрешить мне нажать на кнопку вместо неё. И вот я снова стою у этой двери и зажимаю пальцем холодную кнопку. Убеждаюсь, что звонок прозвенел, и жду, когда мне откроют. Я совру, если скажу, что у меня нет конкретной цели. Миссис Уайт любит гостей, поэтому безоговорочно рада моему визиту. Она улыбается, и глаза её превращаются в две сверкающие щелки.

– Я давно не слышала новостей о Пепси, – говорю я, умалчивая о том, что наша дружба давно потухла, – хотела спросить, как у неё дела в колледже, заодно и кексы принесла. Испекла буквально минут десять назад.

– Я так рада тебя видеть! Из всех школьных подруг Пепси только ты осталась в Уестфорде. Смотрю на тебя – и вижу рядом её, будто это было вчера. – Миссис Уайт поворачивается к лестнице. – Лиза, у нас гости, спустись, пожалуйста.

В доме пахнет ладаном. Ничего не изменилось. Этот аромат резко отбрасывает меня назад в детство, и я не сразу осознаю, что уже сижу за столом на кухне и провожу милую беседу за чашкой кофе.

Миссис Уайт не спешит рассказывать о достижениях старшей дочери, она начинает издалека – спрашивает, как поживают мои сестра, мама, когда вернется Приам и как здоровье отца в последнее время. Миссис Уайт учтива, она не позво-

ляет гостю чувствовать себя не в своей тарелке и старается искренне интересоваться жизнью собеседника.

Мы перемещаемся в просторную гостиную, и она рассказывает мне, что Пепси стала отличницей в этом году несмотря на то, что болела гриппом долгое время и пропустила много занятий. Нашла работу и оплачивает счета сама. У неё появились домашние животные – грызуны. Пепси всегда тяготела к хомякам, мышкам и белым красноглазым крысам, когда как миссис Уайт их терпеть не могла. Но сейчас её дочь живёт в общежитии кампуса с соседями «широких взглядов» и может делать всё, что ей запрещали в детстве. Я слушаю, киваю, улыбаюсь где надо и, наконец, хватаюсь за паузу, которую миссис Уайт делает для раздумий.

– Я так скучаю по Пепси, – произношу я. – Можно посмотреть её фотографии? Любые, даже детские.

Я рассказываю миссис Уайт, что разлука с подругой обернулась огромной раной, и мне непременно нужно чем-то её залатать. Будучи матерью, она глубоко проникается моими словами, на её карих глазах выступают слёзы, и она с радостью даёт мне в руки то, что я так хочу увидеть.

Это второй семейный альбом, который я держу в руках за сегодняшний день. Вслух восхищаюсь обложкой с беспорядочным лиловым узором на белом фоне перед тем, как открыть его. И вновь это чувство, которое зародилось во мне, когда я была в гостях у мисс Блейнт. Одновременно на поверхности и слишком глубоко внутри, словно попытка отыс-

кать зудящий участок на теле, чтобы его почесать, оборачивается провалом – этот зуд где-то под кожей, куда не достать.

С фотографий на меня глядят *счастливые* люди, улыбающиеся возможности запечатлеть особенный для них момент. Свадьба мистера и миссис Уайт удостоилась пяти позиций в альбоме, когда как остальные события получили не более двух. На одной из фотографий я задерживаюсь подольше – миссис Уайт смотрит в камеру и улыбается, а её муж самозабвенно смотрит на неё. Это не похоже на взгляд обычного увлечённого мужчины, это взгляд человека, который видит в другом весь мир.

Я принимаюсь изучать задний фон фотографии, где висит гобелен, и задумываюсь. Когда именно наша жизнь свернула не туда? Были ли мои родители когда-либо счастливы? Может, такие моменты действительно имели место, но я их не помню? То одна, то другая теория, объясняющая нынешнее положение вещей, загорается в моём сознании слабым мигающим светом.

Возможно ли, что те самые радостные события происходили в моей семье, когда я была совсем маленькой или вообще ещё не родилась? Но мои родители не просто несчастны, они словно *неживые*. Как если бы какой-то апатичный дух позаимствовал их тело и заново проживал бессмысленную жизнь.

След от моего большого пальца отпечатывается на глянцевой обложке, защищающей фотографию от всякого внешне-

го воздействия. Я поднимаюсь, намереваясь уйти, и возвращаю альбом миссис Уайт. Она прижимает его к груди, словно ребёнка, и широко улыбается. Когда миссис Уайт проводит меня до двери и отворяет её, я оборачиваюсь на звук шагов и наблюдаю за спустившейся Лизой – она откусывает кусочек от кекса и убегает обратно. Кекс, который остался без определённой части себя, лежит на столе в окружении рассыпавшейся сахарной пудры.

По возвращении домой я не натываюсь на обычную мёртвую тишину. В гостиной играет музыка, а включенный телевизор уже успел нагреть комнату. Пока все копят в унынии, Дженис развлекает себя, как может. Она сидит на диване, закинув ногу на ногу. Завидев меня, сестра отрывается от чтения журнала и осыпает вопросами касавшимися приготовленной утром запеканки. Понравилась ли она мисс Блейнт? Не была ли начинка суховатой? Понравилось ли мне? Да, конечно, она съела целых два куса. Нет, она была очень сочной. Да, но я съела только один кусочек, чтобы не лишиться мисс Блейнт значительной части твоего дара.

– А как прошёл пикник с Роки? Ты вернулась раньше, чем обычно. – говорю я, не скрывая любопытства.

Дженис одаривает меня мрачным взглядом.

– Меня всю искусаи комары. Это было ужасно. Я даже не позавтракала – кусок в горло не лезет.

Она снова утыкается в журнал, и я понимаю, что дальше её лучше не расспрашивать. Ещё одно испорченное свидание.

ние в копилку моей сестры. Я никогда не вмешиваюсь в их отношения, но чувство, что Дженис пытается за уши вытянуть Роки до установленных ею стандартов, преследует меня до сих пор.

Я забираю поднос с пустой посудой, который стоит под дверью отца и, приготовив ему обед, возвращаю на прежнее место. Ужин ему готовит Дженис, так как после наступления вечера я засыпаю в своей комнате с потрёпанным томиком о медицине в руках.

Ещё два месяца назад отца выписали из больницы. Все возможные анализы так и не дали ответа на вопрос, с чем именно нужно бороться. «Мы ничего не нашли. Нет установленного диагноза – нет болезни. Все анализы в норме, но можете сдать их повторно», – сказал врач. Что мы и сделали, но результат был тот же. В Уестфорд приезжали доктора, чьи имена были у всех на слуху, но даже они разводили руками. Последнее предположение о болезни отца озвучил доктор из Пенсильвании. Он был уверен, что это ничто иное, как тяжёлая депрессия. Позже отец по требованию мамы отказался от лечения, подписал бумагу о том, что предупреждён обо всех рисках и освобождает клинику от ответственности за его здоровье и вернулся домой. Каждый день я читаю о медицине, перечитываю огромные тома, чтобы зацепиться за что-то и помочь ему выкарабкаться, но это бесполезно, если он не хочет видеть никого из нас.

Отца я редко тревожу разговорами. Ещё две недели назад

я больше часа стояла у него за дверью, умоляя поговорить со мной. Каждые десять минут мои требования становились всё меньше и меньше – под конец я просто стучала в дверь и просила позволить мне хотя бы взглянуть на него. И через час неустанных уговоров услышала из-за двери следующие слова: «Я не хочу ни с кем говорить, Делайла. Пожалуйста, перестань стучать».

В этот момент подошла мама, схватила меня за руку и оттащила от его двери. Синяки на предплечье я заметила чуть позднее, когда готовилась принять ванну. Многие художественные произведения рассказывают о нежности материнского прикосновения, которое мне так и не довелось испытать. Наверное, поэтому я так не люблю художественную литературу. Мне нравится иметь дело с фактами, четкими научными определениями, а не с приукрашенными историями, которые заставляют людей ожидать от жизни больше, чем она может дать.

Я часто задаю себе один и тот же вопрос: возможно ли это – скучать по тому, чего у тебя никогда не было? Честно, не знаю. Но пустоту, ощущающуюся внутри, уже поздно латать. Моя жизнь не стыкуется ни с чем прочитанным, просмотренным или увиденным во внешнем мире. Такого рода одиночество умерщвляет человеческую душу.

На этот раз я не могу сосредоточиться на медицинских понятиях и описаниях болезней – закрытый томик лежит рядом, когда я крепко засыпаю. Мне снится, что первый этаж

нашего дома обставлен рамками для фотографий. Я приближаюсь к одной, стоящей на комодe, чтобы разглядеть её. И когда лунный свет, падающий из окна, соскальзывает со стеклянной поверхности, замечаю, что она пуста. Бросаюсь к другим рамкам, но они повторяют содержание первой.

Я стою посреди гостиной, лишённая возможности шевельнуться, пока колючий страх карабкается по мне снизу-вверх; мне холодно, потому что не накрылась одеялом, но я никак не могу проснуться. Демонстративно расставленная по дому пустота начинает размазываться перед глазами из-за моих попыток вырваться из сна. От звука ударившей в окно ветви я, вздрогнув, распахиваю глаза и оказываюсь в крошечной тьме.

Глава 4

Перед тем, как заправить кровать, я возвращаю книгу на своё законное место – на книжный стеллаж. Открываю платяной шкаф и достаю оттуда маленькую шкатулку для украшений. Её подарила Дженис, когда мне исполнилось восемнадцать. Но храню я там вовсе не украшения и даже не письма, в шкатулке лежат накопленные за последние два месяца деньги, и сейчас они пригодились как нельзя кстати. Я снимаю с себя мятую пижаму, выуживаю из шкафа голубые джинсы и удлинённую нейлоновую рубашку чёрного цвета с инициалами и росписью Фредди Меркьюри. Натягиваю одежду и, опустошив шкатулку, пересчитываю деньги. Надеюсь, десяти долларов мне хватит.

Пораздумав немного, заплетаю косичку, чтобы выглядеть опрятно, беру сумку и выхожу в коридор. Дверь в комнату Дженис распахнута. Почти каждое утро я наблюдаю, как она собирает волосы в хвост, зажимая резинку между зубами. Это по-своему завораживает. Я настолько к этому привыкла, что у меня возникает чувство, словно без наблюдения за этим коротеньким утренним действием тревога не покинет меня в течении всего дня. Что-то будет не так, будь то птица, летящая задом наперёд, дерево, что не отбрасывает тень или человек, который действительно знает, кто он есть.

Сестра оборачивается на мои шаги.

– Куда ты собралась?

– Теперь моя очередь просить тебя об одолжении, – облокачиваюсь о косяк её двери. – Приготовь завтрак для папы. Мне нужно сходить на рынок и купить кое-что.

– И что же это? – она скрещивает руки на груди и прищуривается.

Когда речь идёт о покупках, Дженис мне не доверяет. Она говорит, что я покупаю всякое барахло. Если, конечно, медицинские трактаты и книги можно считать барахлом.

– Увидишь.

На рынок подержанных вещей одна я прихожу впервые – раньше Приам составлял мне компанию. По обе стороны у лавок стоят толпы людей, желающих закупиться по дешевке. Кто-то даже умудряется торговаться – выпрашивать за полцены то, что и так отдаётся за мизерные деньги. Я часто ловлю себя на том, что очень сочувствую продавцам, которые стоят целый день за этими лавками. Некоторые покупатели отказываются уходить, если им не отдадут какой-то товар по цене, предложенной ими. Они загораживают лавки, перекрывая доступ другим, а продавцы сдаются под таким натиском и отдают товар в ущерб себе.

У лавки, к которой я подхожу, стоят только два человека, они быстро расплачиваются и уходят; всё внимание продавца переключается на меня.

– Вас что-нибудь интересует? – спрашивает он.

Шляпа с веревками, смыкающимися у самого подбородка,

и приветственная улыбка – визитная карточка почти каждого продавца.

Я обвожу взглядом устройства, которыми усеяна его лавка.

– Вот то, что я ищу! – указываю я на фотоаппарат. – Можно посмотреть?

– Этот? – он берёт его и протягивает мне. – Это фотоаппарат фирмы Argus, очень красивый и практичный – его можно даже в дамской сумочке носить. Им пользовались от силы месяц. Если хочешь проверить его в работе, разрешу сделать одну фотографию, но не больше!

Краем уха слушаю речь продавца, рассматривая эту прелестную вещь. Видимо, мужчина заметил, как загорелись мои глаза от восхищения – он улыбается во все зубы и даже открывает кассу. Тут у меня закрадывается мысль, что это, возможно, самый дорогой товар на прилавке.

– Сколько?

– Девять долларов.

Я, со своим капиталом в десять долларов и двадцать центов, очень горда тем, что мне хватает денег на такую вещь. Но огорчение настигает меня в следующую секунду – совсем не останется денег, если я куплю ещё и плёнку. В попытках отогнать эти мысли, засматриваюсь на другие устройства на прилавке. *Сэкономим потом, но не сейчас, Делайла, возьми его и пойдём домой, пожалуйста,* – мысленно уговариваю себя я.

Продавец, наблюдая за моей внутренней борьбой, выжидающе смотрит на меня.

– Хорошо, – соглашаюсь я наконец. – Я возьму его. И ещё...

Я говорю ему, что мне нужна плёнка, да подлиннее, с двадцатью, нет, тридцатью кадрами; на неё уходит восемьдесят пять центов. Продавец помогает поместить её в специальный отсек, чтобы я могла начать пользоваться фотоаппаратом в любую минуту.

Домой возвращаюсь на редкость счастливая, хоть я теперь и на мели, это не мешает радоваться тому, что у меня появился собственный фотоаппарат. Издалека виднеется крыша нашего дома, двор загораживают густые соседские деревья. Подойдя ближе, я замечаю припаркованный чёрный автомобиль в нашем районе. Замираю, чтобы приглядеться – кажется, машина стоит напротив нашего дома. Неужели Приам приехал? Прошёл ровно месяц с тех пор, как он уехал, значит, он либо должен быть на пути домой, либо... Я срываюсь с места и мчусь к дому, сжимая в руках коробку с фотоаппаратом. Додж коронет брата занимает большую часть двора, я обхожу его, бегу вверх по лестнице и распахиваю входную дверь.

За столом на кухне сидят Дженис, мама и Приам. На пару секунд я замираю на пороге под удивленными взглядами своих домочадцев. Брат выходит из-за стола, я кладу коробку на обувную полку и бросаюсь в его объятия.

– Меня же всего месяц не было. – смеётся он.

– Месяц – это слишком много, – жалуясь я, выпуская его из объятий. – Почему бы тебе не найти работу здесь? Я слышала, что в одной фирме не хватает плотников...

– Не говори глупостей, – язвит мама. – Его работа – одна из самых прибыльных. Тебе пора повзрослеть, Делайла.

Брат хмурится:

– Ну хватит тебе, мама...

Светлые волосы Приама выгорели под солнцем и приобрели соломенный оттенок, весь загорелый, он походит на актёра любовной мелодрамы (я бы не удивилась, если бы его фотографию захотели поместить на обложку исторического романа). Однако кожа его рук огрубела настолько, что я сквозь ткань рубашки почувствовала их шершавость. Только одно в нём не изменилось – горящие карие глаза, чуть прищуренные улыбкой. Когда приезжает брат, я не чувствую себя такой одинокой.

– Почему ты в костюме? – я оглядываю его строгий серый костюм и белую рубашку, застёгнутую на все пуговицы.

– Хочу приезжать домой в приличной одежде, – Приам вновь садится за стол. – Пусть соседи не думают, что мы сводим концы с концами. Не хочу, чтобы они задевали вас разговорами.

– Мы разве сводим концы с концами? – удивляется Дженнис. – У нас всё хорошо! Не говорите ерунды.

– Ты отнесла отцу завтрак? – спрашиваю я.

– Да. Но я ещё не забрала поднос. Думаю, он уже позавтракал.

– Ничего. Я переоденусь и заберу сама.

При упоминании отца ни один мускул на лице мамы не дрогнул. Но по её следующим словам я понимаю, что она всё же не пропустила это мимо ушей.

– Найди себе оплачиваемую работу и перестань тратить время впустую, – мама поднимается и направляется к лестнице. – Или я научу тебя шить, будешь мне помогать.

Если и есть что-то, чем я никогда не захочу заниматься, так это шитье. Страх случайно пустить руки под иглу и превратить их в дуршлаг преследует меня с детства. Доступные профессии появляются в голове одна за другой: няня, репетитор по математике для малышей, сиделка для престарелых родителей, бабушек и дедушек, садовница... И я готова перепробовать их все, лишь бы не обращаться к шитью. Я боюсь игл, как огня.

На самом деле, я не раз пыталась найти работу, но мои стремления разбивались о стандартные вопросы. «У вас есть опыт работы? К сожалению, все позиции заняты. Есть образование? Нет? Тогда вам не к нам. Сколько вам лет? Слишком юны». Из-за постоянных отказов я решила делать выпечку и продавать её в ближайшие пекарни каждый раз, когда мне понадобятся деньги.

– А я вот не хочу работать, – говорит Дженис, прерывая поток моих мыслей. – Я лучше буду вам готовить.

Приам смеётся и тянется к сестре, чтобы растрепать её волосы, но та перехватывает его руку и строго качает головой:
– Больше не позволю!

А сама обходит стол и, растрепав волосы брата, бежит вверх по лестнице. Все расходятся по комнатам – в том числе и я со своей покупкой. С распаковкой не спешу – кладу коробку на кровать и иду переодеваться. В какой – то момент из-за двери раздаётся чей-то голос. Я замираю, стоя у платяного шкафа, и прислушиваюсь. Это Приам. Он говорит то медленно, с грустью, то загорается энтузиазмом и активно рассказывает что-то, время от времени прерывая речь низким смехом. Через некоторое время его голос стихает. Когда выхожу в коридор, застаю брата сидящим слева от двери отца, обхватив голову руками.

Сказать мне нечего. Всё, что могу сделать – это усесться рядом на полу в молчаливой поддержке. От одного взгляда на руки Приама щемит сердце – несмотря на то, что ногти коротко сострижены, грязь въелась так глубоко, что на это больно смотреть, а сами ладони покрыты струпьями и шрамами.

Из комнаты Дженис доносится едва уловимый стук шагов. Если говорить о сестре и её отношении к отцу, то она ограничивается долгим взглядом в сторону его двери перед тем, как зайти к себе. Иногда мне кажется, что она прислушивается и тоже волнуется, но сколько бы я не искала в её лице отголоски каких-либо чувств по поводу происходящего все

время натыкаюсь на пустоту.

– Я купила фотоаппарат, – говорю я.

Мои слова отдаются эхом в тишине.

Приам поднимает голову:

– С чего вдруг? Хочешь стать фотографом?

Я качаю головой.

– Всего лишь хочу фотографировать свою семью. Я заметила, что у наших соседей есть семейные альбомы с множеством фотографий, которые они пересматривают спустя годы. Насколько я знаю, у нас такого никогда не было.

Некоторое время брат молчит, обдумывая мои слова, а потом глубоко вздыхает.

– У нас много чего нет, Делайла, но это же не значит, что мы не семья или что с нами что-то не так, – Приам приобнимет меня за плечи и продолжает. – Неси свой фотоаппарат.

Я не помню, чтобы наш дом когда-нибудь так оживал. Дженис, которая обвиняла меня в тяге к бараклу, выхватывает фотоаппарат, как только я достаю его из коробки. Она крутит его в руках, будто пытается убедиться, что он не игрушечный.

– Вот тут есть таймер! – говорит сестра.

Мы втроём выходим в сад и делаем снимки на фоне колючих деревьев, пока на нас не заползают муравьи. Когда фотоаппарат попадает в руки Приама, он отводит нас в комнату мамы. Мы обступаем её, сидящую за работой, и с улыбкой смотрим в объектив, пока вспышка света не озаряет нас.

Никто, кроме меня, не решается пойти к двери отца и потревожить его снова. Я рассказываю ему о своей покупке и прошу только об одном: о совместной фотографии. Жду несколько минут – ответом мне служит тишина. Я нажимаю на кнопку выключения, красный огонёк на фотоаппарате потухает, как и моя маленькая надежда. Сегодняшний день на удивление скоротечен. Каждый занимается своими делами, игнорируя проблемы, которые только увеличиваются в размерах. С наступлением сумерек мы расходимся по комнатам, делая вид, что всё в порядке. Поворочавшись немного в кровати, я, наконец, засыпаю.

Спустя некоторое время меня вытаскивают из блаженного забвения. Я распахиваю глаза раньше, чем осознаю, что именно меня разбудило. Я прислушиваюсь. В коридоре отворяется чья-то дверь. Я поворачиваюсь на другой бок и закрываю глаза. Вероятно, кто-то решил пойти в уборную, в этом нет ничего странного. Минутами позже дверь снова отворяется, раздаются неторопливые шаги. Встревожившись из-за внезапной активности, я открываю глаза и опять прислушиваюсь. Кажется, ещё одна дверь отворяется, и на этот раз в комнату Дженис. Что происходит? Кто ходит ночью по нашим комнатам? Кто-то пробрался в дом? А ведь моя дверь даже не заперта, если кто-то вознамерится войти – ему ничто не помешает. От стремительно подступающей к горлу паники я теряю способность мыслить ясно – мозг подкидывает радикальные идеи для спасения, такие как вступить в драку

с незванным гостем или выпрыгнуть в окно. Однако, когда открывается моя дверь, я впадаю в оцепенение. Закричать не выйдет – у меня отнялись не только ноги и руки, но и язык. Я отвернулась к стене ещё до того, как в комнату вторглись – спать спиной к двери намного лучше, чем открыть глаза и увидеть *нечто*, входящее в комнату.

Страх сковывает меня и уносит в недра беспомощности. Спина становится уязвимой, словно мишень. Пальцы сминают одеяло и застывают в тревожном ожидании, пока я всем своим существом ощущаю, как некто или нечто тихо приближается к моей кровати. Лунный свет заглядывает в окно, освещая комнату. Незванный гость останавливается совсем рядом – он отбрасывает тень, что окунает часть меня во тьму. И только горячее дыхание, что касается затылка, даёт понять – он склонился надо мной. Я зажмуриваюсь. Приступы боли устремляются вверх по спине, словно незащищенная часть тела в панике пытается подать знак тревоги.

Беги.

Но я по-прежнему не могу пошевелиться. Сердце, выбивающее дробь по рёбрам, лишает возможности слышать, но открыть глаза я не осмеливаюсь. Только когда незванный гость уходит, и дверь за ним закрывается, я осознаю, что чуть не задохнулась от страха. Натянув одеяло до самого подбородка, обхватываю себя руками и лежу так до самого утра – неподвижно, в полусне.

Глава 5

Раньше я часто просыпалась от стука шагов, что доносились из комнаты отца по ночам. Они были то медленные и спокойные, то быстрые и тревожные. Казалось, отца что-то терзало во тьме. Может, ночные кошмары? Его шаги словно рассказывали нечто, что он не может произнести вслух. Но они всегда оставались в пределах его комнаты. До вчерашней ночи.

Я не могу перестать думать о том, что произошло. Снова и снова мысленно сравниваю шаги отца и незваного гостя, которому дала имя – Тень. Возможно ли то, что вчера папа покинул свою комнату? Сделать вывод на одних только предположениях я не могу, но одно знаю точно – манера ходьбы у каждого человека своя, отличительная. Всё же провести параллель между звуком шагов отца и Тени не просто – из-за испуга воспоминания смешались и исказились.

Вдруг, то был посторонний?

Я готовлю отцу завтрак, отношу его наверх и возвращаюсь к своему каждодневному ритуалу – чтению медицинской энциклопедии. Приам и Дженис завтракают вместе, но я не присоединяюсь к ним – тревога сжимает мой желудок холодными клешнями, растворяя мысли о еде. А попытки сосредоточиться на описании сосудистых заболеваний проваливаются из-за тошноты. Диван кажется неудобным, не таким,

как раньше. Воздух густой – в доме царит духота, несмотря на открытые окна. Заметив, как Дженис берёт графин с водой и принимается поливать цветы на подоконниках, я откладываю энциклопедию и направляюсь к ней.

– Ты ничего ночью не слышала? – спрашиваю я тихо.

– Ты о чём? – Дженис склоняется над бальзамином и аккуратно его поливает.

– Ты не ходила по комнатам где-то после полуночи?

– Я же не лунатик какой-то, Делайла. Зачем мне это?

– Тогда... тебе не показалось, что в твою комнату кто-то входил? – я начинаю нервничать. – Знаю, это звучит странно, но я слышала, как открывались и закрывались двери на втором этаже, потом кто-то вошёл в мою комнату, постоял над кроватью и ушёл.

Сестра выпрямляется и смотрит на меня с опаской.

– Ты меня пугаешь. Тебе с детства снятся кошмары, но за чистую монету ты их ещё не принимала.

– Нет, это был не сон...

Дженис произносит отрывистое «подойди». Я делаю, как она велит. Сестра дотрагивается до моего лба тыльной стороной ладони и, нахмурившись, смотрит куда-то поверх моего плеча.

– Температуры нет. Значит, не лихорадка.

– Я не брежу, Дженис, – вздыхаю я, убирая её руку.

– Кажется, это нехватка витаминов, – продолжает она. – Ты сильно похудела за последние месяцы. Я приготовлю те-

бе что-нибудь полезное и калорийное, а ты потом напишешь отзыв о моей стряпне.

Сестра легонько щипает меня за щеку и продолжает поливать цветы, бубня что-то под нос. Дженис считает, что еда способна излечить любые болезни, включая психологические. Вкусная еда поднимает настроение, а значит, может излечить депрессию. Если беспокоит желудок, нужно съесть куриный салат, и боль как рукой снимет. Если мучает головная боль, следует выпить молочный коктейль и съесть свежих овощей. По словам сестры, это действительно помогает. Но я не больна, и более чем уверена – то был не сон.

За обедом спрашиваю Приама, не прокрадывался ли он ночью в мою комнату и не ходил ли по коридору, распахивая двери. *Если да, я не буду сердиться, просто скажи правду, иначе я сойду с ума.*

Он удивлённо вскидывает брови и растерянно смеётся.

– С чего бы мне прокрадываться в твою комнату в ночь? Я спал как убитый после долгой дороги. Должно быть, тебе приснился кошмар.

Я продолжаю есть овощной салат, который приготовила Дженис, чтобы «излечить» меня. Проникнуть в дом бесшумно не мог никто – ступенька на лестнице скрипучая, входная дверь тоже (её запирают на ключ), а окна проверяют дважды перед тем, как пойти спать. Если это были не Дженис и не Приам, то остается только два человека: мама и отец. Спрашивать маму бесполезно, вместо ответа она задаст встреч-

ные вопросы или того хуже – окрестит сумасшедшей. А голос папы может прозвучать разве что в моей голове.

Мои размышления прерывает брат, который, видимо, заметил, что я ушла в себя. Он закончил с обедом, и перед тем, как встать, берёт мою руку в свою и заглядывает в глаза:

– Послушай, сестрёнка. Я понимаю, что случившееся с отцом давит на тебя, и ты тревожишься, но такое случается. Люди заболевают и умирают, заболевают и выздоравливают, и мы ничего не можем с этим поделать. Так устроен мир.

Приам уходит, оставляя меня наедине с мыслями.

Когда я родилась, Дженис было пять, а Приаму восемь. Они любили рассказывать страшные истории, когда я просила почитать какую-нибудь сказку. И сейчас мне вспомнилась одна из этих баек. Брат рассказывал о монстре, который приходит за детьми, что не спят по ночам. Он подходит к кровати, прислушивается к дыханию и наблюдает за движением век. Если дышит глубоко и размерено, человек спит. Если же дыхание где-то сбивается, ускоряется или замедляется, а веки дрожат или зажмурены, монстра явно пытаются обмануть. При таких обстоятельствах наутро кровать оказывается пустой – нарушителя режима сна забирают в мир непослушных детей. Однако я уверена, что монстра не интересует девушка девятнадцати лет. И, если верить рассказам моих брата и сестры, монстр не будит никого своими шагами.

Может, Приам и Дженис сначала и не восприняли мои слова всерьёз, однако ночью я отчётливо слышу, как защёл-

квиваются замки на их дверях – один за другим.

* * *

На следующий день Приам отвозит меня в студию для проявки фотографий. Пока сотрудник работает с плёнкой, брат покупает фотоальбом и вручает мне. Я люблюсь твёрдой обложкой карамельного цвета с золотистыми узорами по краям и вслух читаю выведенную посередине золотыми чернилами надпись: «Хранилище воспоминаний». По пути домой я вставляю туда сделанные вчера снимки. Теперь можно с гордостью сказать, что у нас тоже есть семейный фотоальбом. Я прижимаю его к груди, повторяя действие миссис Уайт, которую навещала два дня назад. По приезде домой сразу же направляюсь в гостиную и отвожу для «Хранилища воспоминаний» место в небольшом шкафчике со стеклянными дверцами, где Дженис хранит журналы. Альбом семейный, а значит должен быть доступен всем. Поднявшись на второй этаж, я обнаруживаю нетронутый поднос с завтраком, который приготовила отцу перед отъездом. Спускаюсь в гостиную, чтобы взглянуть на часы – время близится к обеду. Вернувшись к двери отца, я переминаюсь с ноги на ногу, не в силах игнорировать растущую тревогу.

– Тебе не понравилась еда? – спрашиваю я, глядя на остывшую яичницу. – Я могу приготовить что-нибудь другое, подожди немного.

Я понимаю, что людям надоедает есть одно и то же, но отец любил яичницу на завтрак и никогда от неё не отказывался. Слышала, что люди в возрасте часто бывают капризны и перестают отличаться от детей, но не стоит их за это отчитывать, потому что им тоже нелегко. Я спускаюсь с подносом на первый этаж, выкидываю остывшую еду и принимаюсь готовить отцу обед. На этот раз стараюсь сделать что-то необычное: жарю часть форели, которую мама хранит в холодильнике на случай, если её клиенты заглянут в гости (этого никогда не происходит). Заливаю сливочным соусом и через три-четыре минуты выкладываю на поднос. Рядышком кладу пару ломтиков хлеба, оставляя место для напитка – вместо апельсинового сока наливаю обычную воду и закидываю в стакан дольку лимона. Закончив с готовкой, я оглядываю своё творение довольным взглядом и отношу поднос вверх. От такого он точно не откажется, даже у меня слюнки текут.

Практически всё свободное время я провожу за чтением книг о медицине, но в этот раз отдаю предпочтение альбому – я увлечённо рассматриваю фотографии, сидя на диване в гостиной. Тот факт, что за какой-то короткий миг мы создали осязаемую историю семьи, окутывает моё сердце теплом. Мисс Блейнт права – эта вещь бесценна, и я рада, что у моей семьи она теперь тоже есть. В следующую секунду радость сменяется другим чувством – мрачным, душастым. Я что-то забыла, вытеснила из своего сознания, и оно отчаян-

но просится назад. Я не даю этому пробраться на видное место, прячу как можно дальше и заковываю в цепи в надежде, что оно не ранит меня. Слишком поздно. Эта мысль начинает отравлять изнутри. Дыхание сбивается, руки и ноги холодеют, а я продолжаю сидеть на диване и ждать, что она растворится и перестанет скручивать мои внутренности. Но облегчение не приходит.

Я откладываю альбом, поднимаюсь на второй этаж и направляюсь в восточную часть дома. У двери отца лежит нетронутый обед. Прижимаюсь ухом к деревянной поверхности и прислушиваюсь. На этот раз мне удастся уловить какое-то движение или шум. Я задерживаю дыхание и понимаю, что не ошиблась – из-за двери доносится шуршание. Немного успокоившись, я прикрываю веки и прижимаюсь лбом к двери. По крайней, мере он жив. Но, видимо, потерял аппетит. Надо подкараулить его. Громко топая, я добираюсь до лестницы, стучу несколько раз ногой по ступеньке, там же снимаю обувь и кладу её у стены, после чего на цыпочках возвращаюсь к двери отца. Пусть думает, что я ушла. Сегодня я намерена увидеться с ним и поговорить. Не важно, насколько сильно он разозлится, когда узнает, что я тайно караулила его у двери, отцу необходимо лечение в госпитале. Нельзя больше потакать его капризам.

Проходит два часа, уже стемнело. Я отрываю спину от стены и встаю, чтобы размять затёкшие ноги. Форель, что слишком долго пролежала в душном помещении, испортилась. В

голове моей пусто, следующие действия я совершаю механически, игнорируя боль в спине и ногах. Нужно выкинуть испортившуюся еду. Однако поднос вдруг становится необычайно тяжелым. То, что всегда было мне по плечу, теперь кажется невыполнимым. Я не сдаюсь и сжимаю его крепче дрожащими руками. На лестнице оступаюсь, из-за чего посуда с едой летит на ступеньки, нарушая мёртвую тишину дома звуками погрома. стакан с водой не разбивается, а с глухим стуком катится вниз. Я не сразу понимаю, что меня схватили за руку – оглядываю своё забрызганное платье, не замечая ничего вокруг. Дженис, что прибежала на шум, берёт меня за подбородок, поворачивает к себе и всматривается в лицо. Она выглядит не на шутку встревоженной.

– Ты в порядке? – сестра переводит взгляд на ступеньки. – Это что, папин ужин?

– Нет, – я возвращаю себе дар речи, но голос мой дрожит. – Это обед. Простоял до вечера у двери, всё остыло.

Минутой позже на лестнице появляется Приам, одетый в спортивные штаны и белую майку. С его волос капает вода, видимо, он только вышел из душа. Дженис забирает из моих рук пустой поднос и принимается собирать еду со ступенек. Я вместе с братом спускаюсь в гостиную, где он усаживает меня на диван.

– Дел, что случилось? – спрашивает он. – Ты вся побледнела.

Я рассказываю Приаму о том, что произошло. Отец про-

пустил завтрак, отказался от обеда и продолжает молчать. Он ничего сегодня не ел. И, если продолжит в таком же духе, доведёт себя до истощения. Уговоры не действуют, отец отказывается говорить, что бы я ни делала. Я сцепляю дрожащие руки перед собой в попытке успокоиться.

Некоторое время Приам молчит. Его пальцы ритмично постукивают по кофейному столику, а взгляд устремлён на обставленный цветами подоконник. Я не могу понять, о чём он думает, но мрачное выражение его лица не сулит ничего хорошего. Когда открываю рот, чтобы сказать ещё что-то, он вскакивает с дивана и устремляется вверх по лестнице, миная прибирающуюся Дженис. Меня словно холодной водой окатили. Несколько секунд я смотрю ему вслед и бросаюсь за ним.

На втором этаже брат, будто прислушивается, неподвижно стоит у двери отца. Его грудь быстро вздымается и опускается. Я останавливаюсь у основания лестницы и наблюдаю за ним, не зная, чего ожидать. Когда оцепенение спадает, Приам начинает изо всех сил барабанить в дверь.

– Открой эту чертову дверь! Открой! Открой! Открой!

Я делаю шаг назад и поворачиваюсь к Дженис, которая в ужасе смотрит на меня со ступенек. Она кричит, чтобы я шла за ней, берёт поднос и спускается на первый этаж. Стоит такой шум, что я даже не замечаю появления мамы. Молча наблюдаю, как Приам сходит с ума и колотит дверь так, словно хочет разнести её в щепки. Перед глазами появляется пелена

– старые раны решают напомнить о себе.

Мне было четыре. Я сидела на кухне и ела тосты с персиковым джемом, время от времени поглядывая на маму, что бросала предупредительные взгляды: не вздумай кормить пса тостами, Делайла. Пёс породы Бигль уныло скулил под столом и шаркал лапой по полу. Соседка Нелли Майк-сон, чей дом располагается слева от нашего, приходила за ним после обеда (она оставляла его у нас, когда уходила за покупками, чтобы в её отсутствие он не сломал ничего ценного в доме).

Перед самым её приходом случилось следующее: Приам с друзьями – Кенью и Джаредом – решили поменять цепь на своих велосипедах в нашем дворе. Я наблюдала за ними из окна на кухне, пока сидела за столом, пытаюсь незаметно поделиться тостами с собакой. В какой-то момент между Приамом и Кенью завязалась драка. Джаред, в попытке их разнять, получил локтем в глаз и упал на спину – он так взвыл от боли, что я вздрогнула.

Приам схватил булыжник с дороги и замахнулся, целясь Кенью в голову. На этот раз во всё горло закричала я, наблюдавшая за происходящим через окно. Пёс, обеспокоенный криками, выбежал из дома и залаял на всю округу. Не знаю, как бы всё закончилось, не успеет мама подбежать к ним. Она выхватила камень из рук Приама и дала ему пощёчину. После этого случая родители Джарада и Кенью перестали с нами здороваться и запретили сыновьям подходить к Приаму.

На брата повесили клеймо «агрессивного мальчика».

Ещё один случай был на дне рождения Аарона Уилфорда, нашего соседа. Мы были уже постарше, и, по определению, разумнее. Миссис Уилфорд пригласила нас, потому что мы живём в нескольких домах от них и учимся в одной школе с её тринадцатилетним сыном. В качестве подарка я принесла футбольный мяч, обернутый в бежевую подарочную бумагу, и, чтобы не смущать Дженис и Приама, которые пришли с пустыми руками, сказала, что это от нас троих.

Я даже не успела до конца произнести поздравление, как почувствовала сильный толчок. Силы удара хватило для того, чтобы сбить меня с ног – я упала ничком, а когда обернулась, увидела Приама, который бил лежащего на полу Пола Мире в шести футах от меня. Помню, как на брата навалилось трое парней из нашей школы, но им не удалось сдвинуть его с места.

Мистер Уилфорд, высокий мужчина спортивного телосложения, с широкими плечами и крепкой шеей, пришел и разогнал их, а сам схватил Приама обеими руками. Судя по тому, как он стиснул зубы, а на руках вздулись вены, он прилагал все усилия, чтобы оттащить его, но, к моему удивлению, Приам оказался сильнее.

Сбросив с себя оцепенение, я схватила со стола графин с пуншем и выплеснула содержимое на брата. Он остановился, поднял голову и с удивлением воззрился на меня, а затем оглядел окружившую его толпу. Никто не произнес ни слова,

когда он поднялся и зашагал прочь. Всё началось с того, что Пол назвал его нищим. Приама чуть не исключили – многие школьные драки были на его счету.

Этим можно объяснить, почему мы стоим поодаль и просто наблюдаем, как Приам барабанит в дверь и пытается вышибить её ногами. Никто не бросается его останавливать, потому что это бесполезно. Кроме того, если угодить ему под руку, сам отхватишь по первое число.

Не сумев выбить дверь, Приам быстрым шагом идёт в нашу сторону. Мои глаза расширяются от ужаса, а лёгкие сжимаются, будто от сильного удара. Ноги врастают в пол, как корни старого дерева. Но брат не причиняет вреда, а резко сворачивает перед нами и спускается по лестнице. Мама обходит меня и устремляется за ним. Снизу доносятся крики Приама и грохот падающей кухонной утвари.

– Где эти грёбанные ключи?!

Я, пользуясь моментом, вбегаю в свою комнату, бросаюсь к выдвижному шкафчику, достаю пачку шприцов ирываю упаковку. Стараюсь унять дрожь в руках, чтобы ненароком не выронить шприц. Нахожу ампулу Барбитала и понимаю, что у меня нет времени отпиливать горлышко; тяжелые шаги Приама раздаются в ушах – он поднимается по лестнице. Я давлю на горлышко ампулы, но та не поддается. Ещё секунда, и у меня начнётся паника. Я тяну край футболки, накрываю ей горлышко и снова давлю. Наконец, ампула поддается. Я с облегчением опускаю тонкую иглу в жидкость и

набираю четверть шприца.

Шаги Приама раздаются в коридоре. Пронзительный крик Дженис заставляет меня сорваться с места, но у двери я оста-навливаюсь и сквозь щель между петлями наблюдаю, как Приам заносит над головой кухонный топор, целясь в двер-ной замок. От удара стальная дверная ручка разваливается на части и падает на пол бесполезным куском металла. Он снова заносит топор и обрушивает его на дверь. Я зажмури-ваюсь и крепко сжимаю шприц в руке. Больше ждать нель-зя. Его нужно остановить, пока он не навредил отцу. Прячу шприц за спиной и выбегаю из своего укрытия.

Приам уже сломал замок, осталось только толкнуть дверь и войти – это он и делает. После наступает мертвая тишина. Ни звуков разрушений, ни шагов, ни единого слова.

Глава 6

Приам оставил дверь в комнату отца полуоткрытой, но оттуда по-прежнему ни звука.

– Приам? – зову его я и продвигаюсь вперёд.

Снова слышу тот шелест, который уловила ещё днем, когда прижималась ухом к двери. Переступив порог комнаты отца, я первым делом замечаю настежь открытое окно; тюль под воздействием ветра с шелестом поднимается и опускается. Дверь в ванну приоткрыта, но свет не горит. Приам стоит в двух шагах от меня, уставившись в одну точку.

Я следую за его взглядом. От увиденного внутренности скручивает мучительный спазм. Уличный фонарь освещает часть комнаты желтоватым светом. Отец сидит на полу, правая рука привязана простынёй к спинке кровати, глаза широко распахнуты, лицо бледное, словно из него выкачали кровь. Шприц выскользывает из моей руки и падает на пол. Я бросаюсь к отцу, опускаюсь на колени и касаюсь его лица рукой. Тело холодное, как лёд, но я продолжаю искать признаки жизни. Прикладываю пальцы к верхней губе в попытках ощутить его дыхание, проверяю пульс на руке, прижимаю ладонь к груди.

Ничего.

– Делайла...

Приам обхватывает меня руками и тянет назад. Я пытаюсь

вырваться, говоря, что ещё не всё проверила. Нужно взять медицинский фонарик и понаблюдать за зрачками, необходимо вызвать скорую и помочь ему! Сколько бы я ни билась, Приам не ослабляет хватку. Я размякаю в руках брата, меня обдаёт холодом, который проникает внутрь через открытое окно. На папе серые хлопковые брюки и синяя рубашка с голубыми пуговицами – верхняя, как обычно, расстёгнута. Раздаются звуки полицейских сирен за окном. Они становятся громче, извещая о том, что патрульные едут по нашей улице. Грохот и крики, вероятно, встревожили соседей, и кто-то вызвал полицию.

Минутой позже я слышу топот ног в коридоре. Тру глаза, чтобы вернуть четкость зрения, но становится только хуже. Обжигающая тошнота подступает к горлу. Приам крепко держит меня за плечи, но я вырываюсь из его хватки как раз в тот момент, когда в комнату входят ещё два человека. Их сопровождают лязг ключей и тихий смех, который замолкает, как только они переступают порог. Один из них шарит рукой по стене в поисках выключателя. Лампочка на люстре загорается, освещая офицеров полиции, сжимающих в руках служебное оружие.

– Это я, пожалуй, заберу, – офицер берет кухонный топор с письменного стола, что стоит у стены, и поворачивается к кровати. – Нас вроде вызвали на дебошира, а не на труп. Роб, выведи их отсюда.

Дальше всё как в тумане, картинка расплывается перед

глазами, но какая-то сила толкает меня вперед, и я послушно ступаю, ловя ртом воздух. В голове происходит замыкание – одно из воспоминаний об отце вспыхивает в сознании.

В канун Рождества я сильно простудилась. Папа сидел на краю кровати и рассказывал, что на моё двадцатилетие хочет отправить меня в колледж, любой, который выберу. Он улыбался и смотрел куда-то в сторону, красочно описывая будущее, которое хотел подарить мне. Когда отец повернулся, я заметила одну странную деталь. Его глаза изменились. Появилось едва уловимое отличие от тех глаз, которые я видела почти каждый день в течение девятнадцати лет. Я взяла маленькое зеркало с тумбочки и подала ему.

– Взгляни. В твоих глазах что-то изменилось или мне кажется? – спросила я.

Он нахмурился, разглядывая своё отражение, но так и не ответил на вопрос.

Образ отца, сидящего на моей кровати с зеркалом в руках, растворяется. Приам кладёт руку на моё плечо, когда мы доходим до лестницы.

– Что ты наделал? – слышу голос Дженис, будто сквозь толщу воды. Она стоит на третьей ступеньке сверху, глядя на нас снизу-вверх.

– Спускайтесь вниз. – говорит Приам. – Обе.

Дженис начинает с ним спорить, а Роб, которому поручили вывести нас из комнаты, спускается по лестнице. Я сбрасываю руку Приама с плеча и, хватаясь за поручень, медлен-

но преодолеваю ступеньку за ступенькой на пути в гостиную. Оставляю за спиной брата и сестру, которые вступили в бессмысленную перебранку.

Входная дверь открыта нараспашку. Офицер, которого зовут Роб, сидит в патрульной машине, припаркованной рядом с додж коронетом Приама. Он что-то говорит, поднеся рацию к губам – с такого расстояния мне его не слышать.

В гостиной я застаю маму. Она сидит на диване, потупив взгляд. Перед ней на кофейном столике стоит откупоренная бутылка бренди – она не спеша потягивает алкоголь из пивного бокала. Едва заметная дрожь в руках приводит в движение кубики льда в бокале, те звонко бьются о стеклянные стенки.

Ей уже сообщили о том, что папа умер? Почему она так безучастна?

Я не могу вымолвить ни слова, лишь беспомощно смотрю на неё и сжимаю руки в кулаки. Ногти глубоко впиваются в кожу, но боли я не чувствую. Несмотря на то, что ночь выдалась прохладная, пот ручьём стекает по спине. До ушей доносится чьей-то плач. Судя по всему, это Дженис. Я сажусь на холодный пол у кресла с мягкой обивкой, склоняю к нему голову и закрываю глаза.

Это просто сон.

Хлопок двери подъехавшей машины, словно выстрел, эхом разносится по округе. Вдрогнув, я распахиваю глаза. Стрелки на настенных часах указывают на то, что сейчас без

четверти двенадцать. Прошло всего двадцать минут с тех пор, как я спустилась со второго этажа. Ночь ещё никогда не была такой долгой.

Оглядевшись, я понимаю, что совсем одна в гостиной. Ноги немеют от холода, пока жар обхватывает туловище раскалёнными клешнями. Я отлепляю от тела пропитанную потом футболку и предпринимаю попытку встать. Входная дверь, которую оставили открытой, захлопывается за спиной вошедшего. Мужчина, одетый в длинный бежевый плащ и строгий костюм тёмного цвета проходит в дом. На вид ему лет тридцать, он крепкого телосложения, высокий, статный. Когда мужчина поворачивается ко мне, я поднимаюсь на ноги. Мой взгляд невольно падает на кожаный чехол с пистолетом, который висит у него на поясе.

– Вы, должно быть, мисс Адиссон. – говорит он, тянется к внутреннему карману пиджака и достает удостоверение. – Я детектив Дархам. Куда пройти?

Что здесь делает детектив? Мысль о том, что полиция собирается расследовать смерть отца приводит меня в недоумение. Это не убийство, он был болен!

– Второй этаж. – отвечаю я и не узнаю свой голос. Я будто молчала на протяжении многих лет и только сейчас решилась заговорить.

– Скоро приедут судмедэксперты. Вам ведь не составит труда их встретить?

Не дожидаясь моего ответа, мужчина скрывается за дуго-

образной лестницей. И я снова остаюсь наедине с собой. Но длится это недолго. Два судмедэксперта прибывают с разницей в пять минут. Все спешат наверх. Я не без усилий ковыляю до обувной полки, беру старые белые кроссовки и натягиваю на босые ноги. Отворяю входную дверь и выглядываю на улицу. Прохладный ночной ветер касается моего лица, я делаю глубокий вздох и покидаю дом. Ориентируясь в свете ночного фонаря, опускаюсь на одну из ступенек и обхватываю колени руками.

Боковым зрением улавливаю в саду какое-то движение и вглядываюсь в темноту. Бродячий кот сидит под старой японской вишней и водит лапой по земле, убирая листья, которые скрывают под собой насекомых. Перед глазами появляется образ отца – бледный, безжизненный, молчаливый. Для него завтра никогда не наступит, а для остального мира небосвод просветлеет, как обычно, через пять часов, сжигая ночные кошмары.

– Я хотел задать вам пару вопросов, – раздаётся за моей спиной.

Я вскакиваю на ноги и оборачиваюсь. В нескольких шагах от меня стоит детектив. Он подносит зажигалку к зажатой зубами сигарете. Щелчок, и язычок пламени озаряет его лицо. Огненно-красная точка зажжённой сигареты сияет во тьме. Прежде чем успеваю задаться вопросом, как я могла не услышать скрип двери, он выдыхает дым и произносит:

– Вы забыли закрыть дверь.

Хмурюсь, но не из-за него – сердце пускается вскачь, а дыхание учащается. Нельзя позволить этому детективу думать, что я напугана его присутствием. Я облизываю засохшие губы и сглатываю ком в горле.

– Как вы сказали вас зовут? – спрашиваю я.

Некоторое время детектив, прислонившись к дверному косяку, изучает бесплодное дерево в саду. Переводит взгляд на меня и расплывается в ядовитой улыбке, которая присуща профессионалам, что привыкли иметь дело с преступниками.

– Леланд Дархам, мисс, – чётко выговаривает он.

– Чем я могу вам помочь, детектив Дархам?

– Остальных членов вашей семьи уже допросили. Дважды. Остались только вы. Скажите, мисс Адиссон, какие отношения были между вашими родителями?

– Никаких, – я сцепляю за спиной потеющие ладони.

Детектив делает затяжку и выдыхает огромные клубы дыма, сгущая туман между нами.

– И что это значит? – его блуждающий взгляд останавливается где-то в районе моего лба, в том самом месте, где прорезается морщинка.

– За всю жизнь я наблюдала ничтожное количество их взаимодействий, – говорю я и сажусь обратно на ступеньку спиной к нему, но он продолжает задавать вопросы.

– Они ссорились?

– Нет.

– Может, как-то нелестно высказывались друг о друге за спиной?

– Не помню.

– Почему его рука была привязана к спинке кровати?

– Я не знаю.

– Хорошо, – говорит детектив Дархам, преодолевает расстояние, разделяющее нас, и садится в двух футах от меня. – Тогда скажите мне одну вещь, мисс Адиссон, в вашем доме был кто-нибудь посторонний за последнее время?

Я вспоминаю о Тени, что приходила в наши комнаты двумя ночами ранее. Есть много причин рассказать об этом, но я никак не могу себя заставить – этот детектив не вызывает доверия.

– Это исключено, – я оборачиваюсь на голос матери, который раздаётся у меня за спиной; она сжимает ручку двери, стоя на пороге. – Я знаю обо всём, что происходит в этом доме. Хватит вынюхивать и тут, и там!

Детектив даже не утруждает себя тем, чтобы повернуться к человеку, который обращается к нему с порога своего дома. Кажется, этот выпад никак его не взволновал. Не удивительно – представители закона мало чего боятся.

– Делайла, зайди в дом. – требует мама.

– Вам есть чем поделиться со следствием, мисс Адиссон? – спрашивает он. – Будет намного хуже, если я найду ответы на все вопросы сам. А я уверен, что здесь есть за что зацепиться.

– Вас, наверное, часто пугают раком лёгких, – я смотрю на тлеющую сигарету (куда угодно, лишь бы не ему в глаза). – Но это не единственная болезнь, которая может развиваться. Рак рта, желудка, почек; инфаркт и бесплодие... Вы рано постареете и проживёте на шесть или семь лет меньше, чем некурящие. Я могу рассказать вам много из того, что действительно знаю, но вы задаёте мне вопросы, на которые я сама ищу ответы.

Детектив бросает сигарету на ступеньку и тушит её ботинком.

– Я нашёл кое-что в комнате вашего отца. Остальные члены семьи в один голос заверяют, что эта вещь им не принадлежит.

Он достаёт из кармана пиджака шприц, который я уронила в комнате отца. В свете фонаря он выглядит зловеще, словно наполнен чем-то смертоносным. Рука детектива сдвигается влево, и тут я вижу, что шприц поместили в пакет с клеевым клапаном. Меня накрывает волна ужаса, когда я понимаю, что его будут использовать как улику.

– Думаю, это ваше, – и снова эта улыбка, – На нём не было защитного колпака, пришлось поместить его в маленький контейнер перед тем, как положить в пакет. Возникает ощущение, что шприц использовали как оружие. Что в нём?

– Снотворное, – мой голос дрожит. – Обычный Барбитал.

– У вас есть медицинское образование? На вид вы слишком юны.

Я опускаю голову:

– Нет.

– И как же человек без медицинского образования может позволить себе прибегать к таким средствам? Кому вы хотели его вколоть? Раз шприц нашли в комнате вашего отца, то...

– Делайла, – мама повышает голос, а значит, теряет терпение. – Зайди в дом немедленно!

– Он безопасен в малых дозах. – я встаю и подчиняюсь требованию матери.

– И чем же вы руководствовались?

– Он не предназначался для отца!

– Я обязательно проверю, правду ли вы говорите, мисс Адиссон, – бросает детектив мне в спину. – Молитесь, чтобы вас не привлекли к уголовной ответственности за незаконное использование медицинских средств.

* * *

С Джоди я познакомилась ещё когда училась в старшей школе. Мы вместе ходили на бесплатные курсы по оказанию первой медицинской помощи. Их проводили в здании колледжа, который в то время был под руководством Сэмюэля Луна – выдающегося деятеля медицины. Его называли человеком из будущего за создание эффективного метода лечения рака – иммунотерапии. Однако, когда Сэмюэль умер, кур-

сы убрали из программы. В парке Волсивейн в его честь даже воздвигли памятник. Мы с Джоди дважды ходили в парк, чтобы полюбоваться мемориалом.

Когда наша дружба стала крепче, Джоди рассказал, что часто подделывает купоны и покупает еду в магазинах бесплатно. Сначала я отмахнулась, подумав, что тот просто шутит, но, когда он достал из кармана мятые купоны и положил на стол, в моей голове родилась идея. В тот день я впервые задумалась о том, чтобы начать подделывать рецепты от врачей. К моему разочарованию, Джоди отказывался делиться со мной тем, как именно ему удалось подделать купоны.

Октябрь тогда выдался тёплый, мы часто ходили домой пешком, не торопясь, обсуждая выпускной и экзамены, которые предстоит сдать в конце года. Как-то раз Джоди остановился, извинился и заявил, что сегодня не сможет проводить меня до дома – его брату, который работает в типографии, нужна помощь. Я понимающе кивнула и пристально посмотрела ему в глаза перед тем, как сказать: «Так вот как ты подделываешь купоны». Джоди запаниковал и начал утверждать, что его брат тут не причём. Но я лишь пожала плечами и предложила сделку: я помогу ему не провалить экзамены по биологии и химии, а он попросит брата подделать медицинские рецепты для меня. Сделка была заключена.

Так как для копии нужен оригинал, пришлось пойти на хитрость – я пришла к госпиталю Алана Макбрайта, который находится недалеко от центра города, и якобы случайно за-

дела плечом женщину, что вышла из здания с рецептом в руках. Медицинские трактаты, которые я взяла с собой, чтобы осуществить эту идею, упали у самых её ног, не оставляя ей иного морального выбора, кроме как наклониться и помочь мне. Собирая с пола книги, я снова и снова извинялась за причинённое неудобство. Женщину застали врасплох, посему она даже не поняла, что из её рук вытянули рецепт. Вставив его между трактатов, я ещё раз извинилась и, прижав их к груди, устремилась прочь, пока она не заметила пропажу. Как только заявит об утере, ей выдадут ещё один, а мне, здоровой, не пропишут даже обычный аспирин. Дизайн документа был строгий – светло-зелёная рамка, лого «госпиталь имени Алана Макбрайта» и выделенные для другой информации участки, которые требуют заполнения от руки. Хоть в рецепте и значилось имя другого человека, он не был бесполезен. Брат Джоди сможет создать точную копию, если у него будет оригинал. Оставалось только вписать моё имя и названия необходимых лекарств.

У меня была (есть и сейчас) энциклопедия лекарственных препаратов, которая содержала в себе названия десятков тысяч лекарств – так я всегда знала, что именно мне нужно. Я готовилась не одну неделю перед тем, как решиться пойти в аптеку с поддельным рецептом. Снова наведывалась в госпиталь Алана Макбрайта, чтобы получить информацию о врачах и их специальностях. Это было не сложно – их портреты и тексты с перечислением почестей висели на первом этаже,

а я просто записала это в свою записную книжку, чтобы позже вписать в рецепт. Я выбирала дни, когда в центре города не было света из-за ремонтов, чтобы минимизировать риски и не нарваться на фармацевтов, которые не прочь позвонить в клинику и подтвердить подлинность рецепта.

Но один раз я чуть не попалась. В момент, когда я стояла в аптеке перед окошком для выдачи лекарств, включили электричество. Телефон заработал. Ужас, который отразился на моём лице при виде загоревшейся лампочки трудно было не заметить. Фармацевт посмотрела на меня с подозрением и решила позвонить в клинику, чтобы подтвердить подлинность. Я молилась, чтобы никто не поднял трубку, но мои молитвы не были услышаны – на звонок ответили. И какое же облегчение я испытала, когда на той стороне линии объявили, что этот врач ушёл в отпуск два дня назад и будет недоступен ещё месяц.

Так я покупала лекарства, которые были сколько-нибудь мне интересны. Изучала состав, побочные эффекты, противопоказания и последствия передозировки и аллергии; изучала запах и консистенцию жидких лекарств, рассматривала форму и буквенные обозначения таблеток. А когда истек срок годности, просто выбрасывала. Мне приходилось готовить выпечку почти каждый день, чтобы продавать её в пекарню и получать деньги на новые лекарства. Последней моей покупкой был Барбитал. После того, как отец заболел, я решила прекратить покупать лекарства, потому что все силы

уходили на больного члена семьи, и я была не в состоянии готовить по восемь часов в день и убирать горы посуды.

Это всё, в чём меня можно обвинить. Слова детектива о том, что я, возможно, давала эти лекарства отцу неприемлемы. Единственный раз, когда я решилась использовать одно из имеющихся у меня лекарств – был вчера, и я даже не смогла осуществить задуманное. К тому же, Приам бы никак от него не пострадал.

Сотрудники полиции забрали тело отца и покинули наш дом. Я иду на кухню и наливаю стакан воды, пытаюсь ориентироваться во тьме. День и ночь смешались. Сколько сейчас времени? 2 часа ночи? 5 утра? Вода, как назло, тёплая, и лишь усиливает мою нервозность.

Пойти спать в свою комнату я не решаюсь. Засыпаю на диване в гостиной и просыпаюсь, как обычно, в семь тридцать. Первая мысль, пришедшая в голову – надо спешить. Приготовить завтрак для отца и снова лечь спать. Вчерашняя ночь оставила свой отпечаток: голова болит, веки невозможно разлепить; тело не хочет слушаться.

Я снова вспоминаю, что отца здесь больше нет, и нет нужды готовить завтраки с утра пораньше. Что теперь делать? Наверное, вернуться к тому, что пришлось частично или полностью бросить из-за болезни отца. Весь день сидеть за чтением медицинских энциклопедий и развивать навыки, тренируясь на игрушечном жирафе, который уже много раз подвергался медицинским вмешательствам. Я делала

ему бесчисленное количество уколов, зашивала рваные раны и вырезала пух, который превратился в воспалённый аппендикс. Сейчас всё это кажется таким далеким, словно прошел не один век и всё кануло в лету, оставив лишь слабые отголоски.

Когда мама спускается, я всё ещё сижу на диване, разглядывая свои пальцы.

– У нас будет гость. – говорит она. – Приведи себя в порядок.

На её лице не отражается ничего, кроме усталости. Приам выглядит так, будто из него выкачали всю кровь. Но он твердо стоит на ногах и настаивает, чтобы я завтракала с ним. Бутерброды с тунцом возвращают мне часть энергии, и я даже могу сказать, что мне чуть лучше.

У нас будет гость.

Принимая душ, я моментами выключаю воду в ванной, чтобы послушать: не стучат ли в дверь, не доносится ли с первого этажа топот ног или голоса. У нас никогда не бывает гостей. Разве можно звать гостем человека, который приходит только когда кто-то умирает? Я провожу мокрой ладонью по запотевшему зеркалу и смотрю на своё отражение, придвигаюсь поближе и разглядываю глаза, чтобы найти в них ещё один вопрос. Ничего. Они такие же, какими были вчера, на прошлой неделе или пять лет назад. Вспоминаю о словах детектива. Понимаю, он запугивал меня, чтобы я запаниковала и призналась, но в душе всё равно поселился

страх. В мире есть очень много ложно-обвинённых, и я не хочу оказаться в их числе.

И вряд ли окажешься, – успокаиваю себя я.

Отец отказывался от лекарств – даже мои попытки дать ему жаропонижающее заканчивались провалом. Если детектив хочет обвинить меня во «врачебной» ошибке, то ему стоит знать, что у меня никогда не было и шанса её допустить. Не могу избавиться от ощущения, что это происходит не со мной, что в один миг просто проснусь и всё сразу вернётся на свои места. Я не смогла понять, что произошло с отцом, но это не значит, что перестану искать ответ.

От размышлений меня отрывает скрип входной двери, и я начинаю спешно натягивать одежду.

Гость уже здесь.

Когда спускаюсь, то, на удивление, не обнаруживаю маму (видимо, она впустила его и отлучилась куда-то), но я не ошиблась – гость действительно здесь. Он разглядывает изумрудную вазу, которая стоит на сосновой подставке у входной двери. Слышит скрип ступеньки, но оборачивается только когда я оказываюсь в нескольких футах от него.

– Люблю, когда в доме есть вещь зеленого цвета, – говорит он и не спеша направляется ко мне, перекладывая папку с документами в левую руку. – Это цвет жизни.

Я растеряно наблюдаю за его приближением, чуть съёживаюсь на месте, словно опасаясь, что меня ударят, но он делает то, чего я не ожидала – протягивает руку. Этот жест

удивляет и радуется одновременно. Он первый мужчина, который пожимает мне руку как равной несмотря на то, что я женщина, и, скорее всего, раза в четыре младше него. Его седые волосы идеально уложены, ярко-голубые неунывающие глаза смотрят без капли надменности или насмешки.

– Делайла Адиссон, – говорю я, пожимая протянутую руку. – А вы?

– А я Доктор, – говорит он и разрывает рукопожатие.

– Что насчёт вашего имени? – допытываюсь я.

– К чему эти формальности? – он разводит руками. – Я думаю, вам больше интересна моя профессия.

– Что же, Доктор, вы опоздали. Здесь больше некого лечить.

– Вы так думаете? А мне кажется, я как раз вовремя.

Немного помедлив, я бросаю взгляд на зеленую вазу, которую Доктор похвалил. Это цвет жизни, но пришёл он сюда, только когда эти стены увидели смерть.

– А все доктора такие? – спрашиваю я, снова заглядывая ему в лицо.

– Какие?

– Говорят так, будто прячут какой-то шифр в своих словах.

После нескольких секунд молчания на его лице появляется улыбка. Кажется, его жизнь не омрачают никакие заботы.

– Это тоже надо уметь, не так ли?

Скрипит ступенька. Мама спускается по лестнице, сжи-

мая в руках листы бумаги.

– Оставь нас с Доктором наедине, Делайла, – говорит она. – Поднимайся к себе.

– Приятно было с вами познакомиться, – говорю я Доктору.

– Взаимно, мисс Адиссон, – он поворачивается к маме, которая, в свою очередь, уводит его в гостиную и усаживает на диван перед чайным столиком. Она раскладывает перед ним документы, о содержании которых мне остаётся только догадываться.

Они говорят тихо. Даже если попытаюсь подслушать, спрятавшись на ступеньках, вряд ли что-нибудь услышу. По лестнице я поднимаюсь медленно, и последнее, что успеваю увидеть – мама подписывает бумаги, которые доктор достал из папки.

Глава 7 – Леланд Дархам

– Здесь нет конкретики, – говорит детектив, демонстрируя папку с историей болезни.

Двое его коллег – судмедэксперт Энджи Кавамура и полицейский, который ездил на вызов – сидят напротив, изучая документы.

– Если у Кеннета Адиссона была затяжная депрессия, он вполне мог покончить с собой, но это лишь одна из версий. Никаких серьёзных внешних повреждений нет, – он бросает папку на стол и поворачивается к судмедэксперту. – Проведи вскрытие как можно скорее, у нас ещё много дел, а я не хочу тратить время на самоубийц.

– Вскрытие не проводится, если гибели предшествовала длительная болезнь, Леланд, – говорит судмедэксперт, кладёт бумаги на стол и аккуратно их поправляет, – это засвидетельствовано в его истории болезни.

– О какой болезни идёт речь? Ни один диагноз не был подтверждён, я просидел с этой папкой всю ночь и знаю, о чём говорю!

– Я не вижу здесь насильственной смерти, Леланд.

– Не видишь? Я могу тебе напомнить: его рука была привязана к спинке кровати, а сын буквально разнес дверь в щепки кухонным топором!

– Одна? Почему не обе руки? К тому же, никаких повре-

ждений на нём нет. В отчёте написано, что Приам Адиссон сломал замок, потому что его отец заперся, не открывал и не отзывался.

– Я что-то не понимаю... а как часто людей, которые умерли своей смертью находили связанными?

– Он вполне мог сделать это сам. Может, он был не в себе!

– Прощу прощения, – говорит секретарь, просунув голову в дверной проём. – Шеф просил передать, что в возбуждении дела о расследовании смерти Кеннета Адиссона отказано. Он ждёт отчёт о вчерашних грабежах, всё, что успели найти.

Дверь за секретарем закрывается, а Леланд со вздохом опускается в кресло. Цокнув, он качает головой:

– Меня это уже начинает утомлять.

– А зачем рассматривать заведомо мертвые дела? – говорит полицейский, – сейчас главное серийники, из-за них весь штат как на иголках. Трезвонят каждый день, просят патрулировать улицы – боятся, что они будут прыгать из города в город. Вызов был на дебошира, а не на труп, они понятия не имели, что он мёртв. По документам видно – они таскали его по больницам. Я здесь побольше вас работаю, видел многое, даже смену трёх начальств. И с уверенностью могу сказать, что там ловить нечего.

– Ты так любишь всё упрощать, старина. Может, тебе пора на пенсию? – спрашивает детектив и, прищурившись, смотрит на него в упор.

Полицейский меняется в лице. После недолгой паузы он бросает рапорт на стол и уходит.

– В чём-то он прав, Леланд, – вздыхает судмедэксперт. – Нельзя видеть подвох во всем.

– У нас работа такая – всех подозревать. Мы не сажаем за решетку всех подряд, но подозревать можем каждого. Разве не так? Люди не так просты, как всем кажется. Если бы мы не работали по такому принципу, ни одно преступление не было бы раскрыто.

Судмедэксперт складывает руки на груди и кивает:

– Думаешь, его кто-то убил?

– Этого мы уже не узнаем.

Глава 8

Несколько лет назад мама выразила молчаливый отказ сшить для отца костюм, однако теперь эту просьбу исполнила без промедления. Чёрный пиджак и брюки, белая рубашка с кремовыми пуговицами – мама приготовила костюм, в котором папу опустят в могилу. Приам отвёз его в ритуальное агентство вчера утром. Со дня смерти прошло пять дней, когда как похороны должны были состояться на третий или четвертый день. Почему такая задержка? Это из-за нехватки денег?

На пути в гостиную я встречаю двоих работников клининговой компании, которые поднимаются на второй этаж – видимо, мама вызвала их для уборки спальни отца. Дженис пропустила завтрак. Она закрылась у себя и не выходила со вчерашней ночи. Но сегодня мне удастся выманить сестру обещаниями о вкусном обеде, который не хуже её собственной стряпни.

Когда Дженис садится за стол, я ставлю перед ней рулет с мясной начинкой.

– Так мало мяса, – жалуется она.

Её уставшее лицо морщится.

– У нас больше нет, – говорю я и добавляю натёртый сыр.

– Где Приам? – мама заходит в дом.

Скорее всего, она была в мастерской, отдавала заказы.

– Он поехал оплачивать счета, – говорю я.

Нам выставили счёт в две тысячи долларов за организацию похорон. Приам поехал в банк, чтобы узнать, можно ли договориться и разделить эту сумму на несколько частей – за полгода мы бы постарались выплатить всю сумму.

Хочу спросить у мамы насчёт гостя и в то же время отговариваю себя от этой идеи, чтобы не услышать в очередной раз, что это не моё дело и мне лучше помалкивать. Но я уже давно не ребёнок, надеюсь, мама это учтёт. Любопытство берёт верх, и я спрашиваю:

– А что это был за доктор? Почему он приходил?

Голос звучит неестественно, словно я сто лет решалась задать этот вопрос. Мама проходит на кухню, наливает стакан воды, осушает его и пару секунд вздыхает, глядя в одну точку. Всё это время я глазами очерчиваю каждое её движение, наивно ожидая, что мне вот-вот ответят. Секунду спустя она ставит стакан на подставку и направляется к лестнице. Не сказав ни слова.

Я смотрю на Дженис, а она даже не поднимает головы. Сестра буквально утыкается носом в тарелку и напоминает тот миф о страусах, согласно которому они прячут голову в песок. Внутри разгорается столь ненавистная мне обида. Я даю ей просочиться во все уголки своей души, разрешаю направлять меня. Иду вслед за мамой, останавливаюсь у ступенек и говорю ей в спину:

– Ты можешь хоть раз ответить на вопрос? Почему ты все-

гда думаешь только о себе? Тебе было плевать на отца, ты никого не потеряла. Относишься к нам так, будто нас не существует, – я пытаюсь собраться с мыслями и подавить дрожь в голосе. – Этот дом построил отец, он не только твой, но и наш, и каждый из нас имеет право знать, кого ты сюда приводишь.

Моя речь обрывается. Я спиной чувствую молчание Дженис. С каждым словом я раскалялась всё сильнее. Мама стоит в двух ступеньках от скрипучей и, обернувшись, смотрит на меня сверху вниз.

– Этот дом – всего лишь ветхая дешёвая развалина, – с презрением говорит она. – Твой отец был последним ублюдком, а ты слишком на него похожа.

Весь мой пыл сходит на нет, а вопросы, роящиеся в голове, растворяются. Я переминаюсь с ноги на ногу, пытаюсь сделать очередной вдох – чувство, словно меня с силой ударили в грудь, заставляет схватиться за основание поручня.

Любопытство потухает, а на смену ему приходит бессилие. По взгляду мамы можно сказать, что она сейчас преодолеет расстояние в пять ступенек и ударит меня или схватит ту вазу у двери и разобьёт о мою голову. Но она разворачивается и уходит. До меня долетает облегчённый вздох Дженис.

– Пережаренное, – выносит вердикт она, скрестив столовые приборы.

На следующий день в небольшом помещении, которое выделило для нас агентство ритуальных услуг, почти вся Хэнд-

сом стрит собирается на похороны отца. Будет неправдой, если скажу, что не выглядывала бабушку в толпе гостей – я подскакивала каждый раз, когда подходил кто-то ещё. Но её нет, она не пришла, и я не знаю, придёт ли вообще.

Отца хоронят в закрытом гробу. Он заколочен гвоздями со всех сторон. Перед самым приходом гостей я пыталась сдвинуть крышку и была более чем удивлена, когда в свете солнца, льющегося через окно золотым потоком, на деревянной поверхности сверкнули шляпки стальных гвоздей. Пребывая в подавленном настроении, я держусь поодаль от толпы и снова и снова задаю себе одни и те же вопросы. Почему гроб заколотили до того, как привезли сюда? Разве это не должно происходить в зале отпевания, перед тем, как отвезти на кладбище? Почему нас лишили последней возможности взглянуть на отца?

Передо мной снова появляется его образ. Он сидит на полу с привязанной к кровати рукой, ужасно бледен, но вовсе не изуродован. Разве людей, которые умерли без серьёзных внешних увечий привозят на отпевание в закрытом гробу, с приколоченной гвоздями крышкой?

Внезапно я чувствую сильную усталость, веки произвольно смыкаются. Бессонные ночи высосали силы, и мне не остается ничего, кроме как стоять и смотреть, как идёт траурная процессия.

Мисс Блейнт садится рядом и гладит меня по плечам, бормоча что-то нескладное, остальные ограничиваются соболез-

нованиями и удаляются. Я выхожу на крыльцо и делаю глубокий вздох. Дует лёгкий ветерок, и мне становится зябко. Улица ещё сырая после дождя. Я дотрагиваюсь до воротника своего платья и обнаруживаю, что он насквозь промок – слёзы впитались в чёрную ткань. Они сжигают меня изнутри, но в то же время заставляют дрожать от холода снаружи.

Дженис тоже плачет. Она не переделалась, не приняла душ и вряд ли смотрела в зеркало поутру. Роки пытается её приобнять, но та стряхивает его руку и продолжает стоять, глядя перед собой.

Приам держится стойко, старается помогать маме, но каждый раз, когда смотрю в его сторону, не могу избавиться от кома в горле. Когда я была в средней школе, мама записала меня к репетитору по химии, так как моя успеваемость составляла только пятьдесят семь процентов. Я умудрилась забыть имя учительницы, но тот день отпечатался в моей памяти навсегда.

Она снимала кабинет в центре Уестфорда, обставила его досками и шкафами, купила всю необходимую канцелярию и повесила рекламный баннер снаружи. Тот день был пасмурным, не самым теплым и не особо холодным. Во время одного из занятий учителю позвонили, она велела нам сделать два задания из учебника, а сама взяла трубку. Я вздрогнула от испуга и выронила ручку, услышав её внезапный крик. Она выбежала из здания и помчалась через дорогу, не замечая несущихся на неё машин. Визг затормозивших шин раздал-

ся в ушах, последовавшие за этим гудки чуть не оглушили нас. Мы, напуганные и растерянные, вскочив с мест, смотрели ей вслед через стеклянную дверь. Позже нам сказали, что у нашего учителя в тот день умерла мать, что она жила отдельно от неё и нечасто навещала.

Я помню, как она металась у стола, приговаривая: «отпустите, выпустите меня, мне надо идти». Но её никто не держал. Она просто не успела.

Когда люди, которые спокойно занимались своими делами, получают новость о том, что их близкий человек умер, они бросают дела и бегут к нему со всех ног. Я называю это «наперегонки со смертью». Они бегут так, словно хотят обогнать смерть, которая уже забрала человека, словно они еще могут спасти или успеть попрощаться. Они бегут к человеку, который умер, но при жизни едва достаивали его звонка. Мне всегда казалось, что эта спешка – чувство вины и попытка заглушить голос совести:

Меня не было рядом. Я провёл недостаточно времени с этим человеком. Он наверняка нуждался во мне. Но вот сейчас я бегу к нему со всех ног, бросив все свои дела – важные и не важные – неужели я не достоин прощения?

Когда мы приезжаем на кладбище и гроб отца опускают в могилу, я с облегчением понимаю, что моя совесть молчит.

Даже спустя два месяца похоронная атмосфера не покидает наш дом. Каждый занимается своим делом, избегая обсуждать что-либо связанное с отцом. Заметив через окно на кухне какое-то движение снаружи, я выхожу на крыльцо. Приам работает в саду: вырывает сорняки, выкапывая их корни тяпкой, стрижёт кусты и убирает засохшие, мертвые цветы. Я молча наблюдаю за ним и думаю о своём. В какой-то момент он выпрямляется и говорит:

– Мне приснился такой яркий сон вчера...

Поворачивается ко мне и продолжает:

– В этом сне я был капитаном большого судна. Океан был такой синий, Делайла, мне даже казалось, что мой белый фрак покрылся синими пятнами после брызг. В небе летало, наверное, тысячи огромных белых птиц, они так красиво выделялись на фоне черных туч, такую красоту словом не описать! А потом моё судно пошло на дно. Я тонул и думал, что сейчас проснусь, но не просыпался даже, когда большущая рыба проглотила меня. Чувство, что всё это было реальностью, а не сном не проходит, Дел. Ещё никогда мне не снились такие яркие и правдоподобные сны. Ничего прекраснее и ужаснее я в жизни не видел.

Приам никогда не рассказывал ничего с таким восхищением и упоением, да и о снах раньше не заикался. Он актив-

но жестикулирует и время от времени смотрит на меня, наверное, чтобы убедиться, что я его слушаю. Брат всегда об этом мечтал – о море. Когда Приам был ещё подростком, он убежал из дома, тайком забрался в грузовик, который доставляет в Уестфорд морепродукты, и уехал во Фрипорт. Там он пытался договориться с моряками, чтобы они взяли его с собой на судно, но те доложили в полицию, что несовершеннолетний пытается заключить сделку без родительского согласия, и представители власти быстро вернули его домой. Свою мечту Приам так и не исполнил. Сейчас мне даже жаль, что те моряки не позволили ему отправиться с ними в плавание. В конце концов, он бы вернулся домой, но в этом случае счастливый и гордый.

– Сны снятся всем, – говорю я. – Но каждый думает, что ему видится нечто особенное. Было бы не так грустно, если ты причалил к берегу, а не утонул.

После обеда я спускаюсь на первый этаж. В руках у меня костюм Приама, который я собираюсь отдать в химчистку. Благо далеко идти по такой жаре не надо – год назад открылась одна на соседней улице. Я замираю на лестнице, когда вижу маму, стоящую у окна, которое выходит во двор. Скрипучая ступенька оповещает её о том, что она теперь не одна. Мама поворачивает голову, окидывает меня взглядом и отворачивается к окну.

Электрофон крутит пластинку, воспроизводя композицию Бенни Картера «На солнечной стороне улицы». Папа не

любил музыку, ненавидел шум и плач – особенно детский – поэтому ломал и выкидывал пластинки, которые крутили, когда он был дома. Этот электрофон столько лет лежал без дела – я удивлена, что он работает.

Я продолжаю спускаться, не торопясь и не сводя с мамы взгляда. На ней длинное зелёное атласное платье с белым воротничком, на талии красуется пояс с вшитыми и тут и там мерцающими при солнечном свете камнями. Светлые волосы уложены в форме волны. Когда она чуть опускает голову на солнце сверкают шпильки, которые закрепляют некоторые пряди. Лишние локоны заколоты сзади в пучок. Ободок-повязка на лбу воспроизводит атмосферу черно-белых фильмов, которые время от времени крутят по телевизору.

– Я купила это платье больше тридцати лет назад и ни разу не надела, – говорит мама. В её голосе слышны тоскливые нотки, которые она даже не пытается скрыть. – Оно было частью моего приданного, я мечтала надеть его на праздник или свадьбу друзей.

После этих слов внутри зарождается чувство, будто меня отбросили лет на тридцать назад. Я безумно хочу завалить её вопросами, узнать хоть что-то и удовлетворить своё любопытство хотя бы на время. Но никак не могу подобрать слова. С чего начать? Какой вопрос задать? Ведь сейчас самое время попытать удачу – она хочет поговорить. Впервые.

Она уже делала так раньше. Надевала праздничное платье многолетней давности и ходила в нём, занимаясь самы-

ми обычными домашними делами. Возможно, это её попытка вернуться в светлое прошлое (в то время, когда она ещё не встретила отца), отрешившись от серого и депрессивного настоящего. Когда мама поворачивается ко мне всем корпусом, мой взгляд падает на жемчужное ожерелье на её шее, и я мысленно провожу ещё одну параллель – походит на актрису немого кино. Она осторожно касается ожерелья рукой, когда видит, на чём остановился мой взгляд. А в следующий миг срывает его одним резким движением. Я вздрагиваю и раскрываю рот от удивления. Бусы рассыпаются по полу и катятся в разные стороны, словно игроки, разбегающиеся по полю – под диван, к входной двери, обувному шкафчику и даже под кухонный стол.

– Убери здесь всё, – говорит мама бесстрастно. – На этой неделе денег на клининг первого этажа нет.

Неторопливым шагом она направляется ко мне. Сердце ускоряется, и я сжимаю поручень со всей силы. Тело напрягается, не зная, чего ожидать. Но мама просто проходит мимо, не задев ни плечом, ни взглядом.

Глава 9

Два места на плёнке теперь заняты снимками дицентры; она расцвела розовыми вытянутыми колокольчиками, которые больше похожи на грустные опущенные лица. Я кладу фотоаппарат на колени, осторожно приподнимаю один колокольчик рукой и, приблизившись, вдыхаю. Запах у цветков нежный, травянистый.

В отличие от меня Приам предпочитает другое название – сердцецвет. Дицентру посадил отец, но так и не застал цветение. Солнце устремляется вверх по горизонту, становится слишком жарко, и я спешу домой.

– Смотри-ка, – говорит Приам, как только я захожу. Он сидит за столом и ест нарезанный дольками апельсин. – Что-то новенькое. Когда купила?

Я озадаченно кручу фотоаппарат в руках. Что-то в его тоне и взгляде меня настораживает. Он говорит так, будто прежде его не видел.

– Несколько месяцев назад, – отвечаю я, но мой ответ звучит как вопрос.

– Правда? Почему не показывала? Я тоже хочу фотографию. – говорит он и откидывается на спинку стула.

– Но ты его уже видел, – хмурюсь я, перевожу взгляд на фотоаппарат и обратно. – Мы фотографировались на нём, ты даже отвозил меня проявлять снимки.

Приам издаёт нервный смешок:

– Я бы запомнил такое, Делайла. Я в первый раз его вижу.

По-моему, ты что-то путаешь. Может, тебе опять приснился сон?

– Да нет же, – я начинаю нервничать. – Я сейчас пойду и принесу эти снимки, сам во всём убедишься.

Приам с озадаченным видом остаётся ждать на кухне, пока я бегаю за фотографиями. Альбом, как обычно, лежит в шкафу с журналами, который располагается в гостиной. Я достаю его и несю на кухню, крепко сжимая в руках, будто боюсь, что он может исчезнуть. Брат всё также сидит за столом, постукивая пальцем по деревянной поверхности. Он ждёт меня и теперь выглядит довольно спокойным, так как как не верит, что я принесу эти снимки. Наверняка думает, что я приду и буду оправдываться и рассыпаться извинениях.

Я раскрываю альбом и кладу перед ним. Приам выпрямляется на стуле. Выражение лица брата меняется на изумлённое, когда он видит свою недвижимую версию на глянцевой поверхности. Он достаёт фотографии из альбома, смотрит то на одну то на другую, приближает к лицу, словно пытается найти подтверждение того, что человек на снимке – не он.

В конце концов Приам кладёт их на стол и вздыхает:

– Наверное, я переутомился. Похороны, работа и палящий зной сильно на меня повлияли. Да и голова в последние дни сильно болит. Не удивительно, что я что-то забыл, – Он встает и хлопает меня по плечу и снова смеётся. – Может,

я старею?

– А ты помнишь, что ещё мы делали в этот день? – спрашиваю я.

– Да нет, кто его помнит-то? Столько времени прошло.

– Я помню, – говорю я. – Я помню, как прибежала домой, а ты сидел на кухне с мамой и Дженис, как мы сидели у двери отца и разговаривали, фотографировались вместе, а потом... – я замялась, силясь вспомнить, что же было потом.

– Потом... – повторяет он и испытующе смотрит на меня, но я молчу. – Видишь, ты тоже не помнишь.

Брат уходит, а я провожаю его взглядом, не в силах игнорировать тревогу, которая зародилась внутри. Потеря памяти может быть симптомом разных болезней, на ум приходят инсульт, онкология и даже Альцгеймер. Последняя проявляется только в пожилом возрасте, поэтому её можно сразу исключить. Но и Приам, возможно, прав. Недосып, стресс и резкие изменения в жизни тоже могли привести к потере памяти.

Брат, который не успел уйти далеко, видимо, обернулся и заметил моё напряжённое лицо:

– Только не забивай этим свою голову.

– Не буду, если пойдешь к врачу, – говорю я.

– Это пустяки. Зачем нам лишние траты?

– Это не лишние траты, речь о твоём здоровье!

– Я уверен, что здоров. Не хочу тратить всю зарплату на то, чтобы услышать, что со мной всё хорошо, – парирует он

и разводит руками.

А я уверена, что ни один врач не скажет ему, что всё хорошо. У здоровых людей не стирается из памяти целый день. Но долго спорить нам не приходится. Мама спускается вниз. Как только видит меня, она останавливается и произносит всего три слова:

– Пойдем со мной.

Не дожидаясь моей реакции, она поднимается обратно на второй этаж.

– Ей, наверное, нужна помощь, иди скорей, – торопит меня Приам.

Зная, как опасно заставлять маму ждать, я со вздохом поднимаюсь и плетусь за ней. Дверь в её комнату приоткрыта, вероятно, в ожидании меня. Я не решаюсь её закрыть, поэтому вхожу, не касаясь. Мама словно куда-то спешит, по комнате и тут и там разбросаны платья. Казалось бы, это готовые заказы её клиентов, но, когда поворачиваю голову влево, вижу распахнутый шкаф с мамиными старыми вещами. Полупустой.

Она достаёт одежду своей молодости из шкафа, словно несбывшиеся мечты.

– Подойди, – она подзывает меня рукой. – Снимай эту тряпку и надень вот это.

Мама протягивает мне коричневое платье в стиле ретро, затем отворачивается и ищет что-то в тканевой шкатулке, пока я натягиваю его. Первое, что делаю, когда заканчиваю

возиться с ним – смотрю в зеркало. Платье чуть выше колен, на бретелях, с заниженной талией. Если бы не переплетающиеся вышивки золотых и серебряных нитей, оно смотрелось бы довольно просто. Из-за глубокого декольте я чувствую себя немного неуютно, но, когда поворачиваюсь, вижу, что и спину прикрывает лишь прозрачная ткань.

Мама направляется ко мне, выудив что-то из сундучка, который стоит рядом с платяным шкафом. В её руках мелькают белые перья. Прежде чем она надевает это на меня, я успеваю предположить, что это какое-то старое украшение вроде фероньерки. В детстве я любила зачитываться тоненькими книгами о моде, которые находила на книжном шкафу мамы, но с возрастом мои предпочтения изменились, и я переключила своё внимание на медицинскую литературу полностью. Прочитанное и увиденное отложилось в памяти, но сейчас не вызывает никакого интереса.

Мама аккуратно надевает фероньерку с перьями мне на голову. Если бы не знала её, решила, что она так осторожничают, чтобы не причинить мне неудобств. Но мама больше переживает за украшение. Она с таким благоговением смотрит на него, что я боюсь невольно двинуться и стать объектом её недовольства.

Когда она отходит, чтобы взять что-то ещё, я снова поворачиваюсь к зеркалу. Теперь понимаю, почему мама смотрела с таким восхищением – эти перья и впрямь смотрятся потрясающе. Солнечные лучи, которые касаются украше-

ния, красующегося на моей голове, высвобождают другие цвета, что скрывались в тенях сырого помещения. Окрашенные разноцветными блестками, перья сверкают на солнце, переливаясь розовым, золотистым и красным цветами. Они выглядят такими нежными, что мне хочется к ним прикоснуться.

– Не трогай! Это перья цапли. Очень дорогое украшение.

Рука замирает на полпути, я опускаю её и поворачиваюсь к маме, что стоит за моей спиной. Что-то мне подсказывает, что она собирается выставить эти платья на продажу, а вчерашний выход в зелёном платье был своего рода прощальной церемонией. Из-за проблем с деньгами скоро в нашем доме не останется ничего ценного.

– Как же прекрасно это платье, – протягивает мама, окинув меня взглядом. – И как же отвратительно оно смотрится на тебе, Делайла. Если бы ты только знала, насколько отвратительно оно на тебе смотрится.

Я смотрю на неё в упор и не испытываю ничего, кроме желания поскорее отсюда убраться. Мама берет из шкатулки со стола иголки и принимается работать над платьем.

– В годы моей молодости оно идеально на мне сидело, но сейчас его надо немного подправить, – она щупает и тянет ткань. – Освободить здесь и здесь, а тут немного забрать, убрать этот шов...

Мои параметры почти полностью совпадают с параметрами мамы, у нас даже рост одинаковый. Поэтому, когда дело

доходит до правки её вещей, она использует меня как живой манекен.

– Не двигайся! – мама грубо толкает меня в плечо. – Хватит крутиться как вертушка. Стой спокойно!

Я стискиваю зубы и поглядываю в сторону приоткрытой двери, мечтая убежать отсюда как можно дальше.

– Пойдешь в магазин за нитками, – говорит она, рассматривая свои штрихи. – Коричневые почти закончились. А ещё купи синие и черные. Каждые по шесть мотков.

У мамы целый шкаф с нитками, но она отправляет нас за новыми, если видит, что запасы какого-то цвета истощаются. Она не ждёт, когда наткнётся на последний клубок, а предпринимает меры сейчас, в настоящем времени, чтобы избежать неудобств в будущем.

Она даёт мне три доллара и шестьдесят центов. Точно под расчёт. Один моток ниток стоит двадцать центов там, где она ими закупается – в центре Уестфорда в магазине «Красная нить». И то, если покупать оптом. Настроение ухудшается, когда я понимаю, что мне придётся идти туда пешком. На машину Приама надеяться не приходится – последний месяц он жалуется на подорожавший бензин, но обратиться к соседям за помощью ему не позволяет гордость.

С того момента, когда я была здесь в последний раз, магазин «Красная нить» почти не изменился. Изображение кота, который мчится по атласной ткани за разматывающимся клубком красной нити, выцвело из-за дождей. А вывес-

ка с названием магазина чуть накренилась вправо. Дверь все также открывается на себя.

Обычно доход магазина определяется по тому, есть в помещении кондиционер или нет. Ведь ни один владелец не будет тратить деньги на такие дорогие устройства, если выручка у него небольшая. В Красной нити два кондиционера – один у кассы, а другой в конце зала. Но его успех люди скорее определяют очередями и количеством покупателей. Даже в обеденный перерыв здесь выстраивается очередь из желающих купить вельветовую ткань на зиму, пока она не подорожала.

Колокольчик входной двери звякает, я переступаю порог и здороваюсь с консультантом, который поприветствовал меня. После пыльных улиц Уестфорда, я попадаю в царство изящной дизайнерской отделки, мраморных плит, золотистых узоров и декоративных подставок с искусственными цветами. Люди ходят по рядам с небольшими корзинками, заполняют их пуговицами, молниями, стразами и разной мишурой для одежды; кто-то выбирает ткань в отделе с атласными материалами. Я беру одну из корзинок и направляюсь к полкам с нитками всех цветов и мастей, но замираю на полпути, потому что за следующим звоном колокольчика следует моё имя, сорвавшееся с чьих-то уст.

– Мисс Адиссон, это вы?

Я оборачиваюсь. Тело покрывается мурашками, и мне становится по-настоящему холодно в этот августовский

день. Я вышла из своего укрытия, и серый волк, воспользовавшись случаем, меня настиг.

– Детектив Дархам, – говорю я после секундной заминки. – Не ожидала вас здесь увидеть.

Мужчина делает несколько шагов навстречу мне и засовывает руки в карманы.

– По правде говоря, я здесь ни разу не был и даже не планировал...

– И что вас сюда привело?

– Сейчас двенадцать часов дня, – он подносит к лицу руку с наручными часами, – Решил воспользоваться своим законным перерывом на обед и подкрепиться в закусочной через дорогу. Вон в той, видите? – он указывает на закусочную у Харви. – Но увидел, как вы переходите дорогу и решил поздороваться.

Детектив испытующе на меня смотрит, прищулив глаза. Хотя, как мне показалось, он щурится от солнечного света, который пробивается через витрину.

– Так вы будете здороваться? – я переминаюсь с ноги на ногу.

Он ухмыляется и кивает.

– Недавно я копался в старых делах и нашёл кое-что интересное. Ваша бабушка, если не ошибаюсь, живет в Эхо, да?

– Хотите навестить мою бабушку? – спрашиваю я.

Он приподнимает брови и расплывается в улыбке:

– Думаете, она ждёт гостей? Сомневаюсь, что даже вну-

ки её навешают, – он цокает языком и продолжает. – В тот день я видел в одном из прикроватных тумбочек вашего отца старую газету. Весьма интригующего содержания, как позже понял. Я запомнил заголовок, затем наткнулся на него в процессе изучения материалов о вашей семье. Не буду скрывать, я довольно дотошен, когда чувствую, что от меня пытаются что-то скрыть, мисс Адиссон. Думаю, вы это уже поняли, – он прерывается на глубокий вдох. – Тумбочка слева от кровати, третий ящик.

Детектив достаёт визитку из нагрудного карманчика льняной рубашки и, вместо того, чтобы протянуть мне, кидает в корзинку для покупок, которую я взяла пару минут назад.

– Советую изучить содержание газеты и связаться со мной в случае, если после прочтения у вас будет что сказать.

Глава 10

На лестничном пролете я сталкиваюсь с Дженис и прошу её отнести нитки маме.

– Ты какая-то нервная. Все хорошо? – сестра касается моего плеча рукой.

– Да, просто бежала и немного запыхалась.

Оказавшись в своей комнате, захлопываю дверь. Не хочу тратить время на смену одежды, поэтому жду, когда Дженис отдаст нитки и уйдёт. Я стягиваю с ног кеды и, когда слышу, как сестра направляется к лестнице и спускается, приоткрываю дверь и выскальзываю в коридор.

Дверь, которую Приам разнёс кухонным топором, сняли с петель и поставили у стены ещё несколько месяцев назад. Ступая босиком по половицам, прохожу в комнату отца. Я никогда раньше не копалась в его вещах. Мне тревожно, стыдно и страшно, но я пересиливаю себя. Времени в обрез. Не хочу, чтобы мама застукала меня за этим делом.

Мой взгляд падает на тумбочку слева от кровати и опускается до третьего ящичка. Я устремляюсь к нему и опускаюсь на корточки, выдвигаю его и первое, что вижу – стопка документов, вырезки журналов разных годов, а под ними старая пожелтевшая газета с большим, выделенным заголовком:

ПРОИСШЕСТВИЕ НА ОЗЕРЕ ЭХО

Я беру газету и раскрываю её. Сначала пробегаюсь взгля-

дом по тексту, в конце которого меня направляют на пятую страницу за подробным описанием дела, листаю до нужной страницы и вчитываюсь в каждое слово. Статья написана от третьего лица, но в своей голове я превращаю всё в прямую речь, словно авторы цитируемых журналистом слов сами произносят их, стоя передо мной. Фотографией служит эскиз (скорее, набросок) с изображением присутствовавших на заседании суда людей.

Переношусь во время и место повествования. И вот я – безмолвный присяжный в зале суда. Судью представляю высокой женщиной средних лет, собравшую всю власть в своих руках, адвоката статным мужчиной с безукоризненным взглядом и ровной осанкой, а прокурора – человеком с орлиным взглядом, что ищет справедливости. К сожалению, это всё, на что способно моё воображение не склонного к чтению художественной литературы человека. К тому же, за всю свою жизнь я ни разу не встречала судей, адвокатов или прокуроров.

В силу своих возможностей, выстраиваю вокруг этого собрания стены, двери, обставляю зал суда стульями и столами. Один из самых величественных столов принадлежит судье, за столами чуть поскромнее восседают прокурор и адвокат. Каждый присяжный получает свой стул. Тишину нарушает только звук печатной машинки, которую секретарь настраивает перед работой. Я, как сторонний наблюдатель, занимаю место рядом с присяжными.

Прокурор – Брент Томпсон – поднимается со своего места и выходит из-за стола.

– Человек, который не умеет плавать, – звучит его громогласный голос, – не стал бы подвергать себя такой опасности. По словам матери погибшей и её окружения, Сьюзет была счастлива, говорила о планах на будущее, что хочет детей, мечтает переехать в Англию и поступить в театральный колледж. Стоит ли рассматривать версию о самоубийстве? – он окидывает взглядом присутствующих и продолжает, – Оборвалась жизнь молодой девушки, которая вовсе не планировала покидать нас так рано. Как же она могла оказаться в середине озера, в самой глубокой его точке, да ещё и в стоячей воде? Я думаю, ответ очевиден. Её туда затащили, – прокурор делает секундную паузу, – И это сделал тот, кто хорошо умеет плавать. Также, по словам Мистера Кеннета Адиссона...

Я следую за его взглядом. Моё воображение рисует трибуну и человека, стоящего за ней. Моего отца.

– ... Дакота Хейз была на озере вместе с погибшей Сьюзет Бранч.

Эти слова обрушиваются на меня мертвым грузом. Я смотрю вправо – в сторону адвоката. Рядом с ним появляется молодая белокурая девушка с твердым как сталь взглядом. Мама.

– Мистер Адиссон утверждает, что в момент, когда тело погибшей вытаскивали из озера, его взгляд упал на волосы

подсудимой Дакоты Хейз. Они были влажными, как после недавнего купания. Несколько очевидцев, которые присутствовали во время спасательной операции, подтвердили его слова – их показания задокументированы на странице пятьдесят восемь. Обращу ваше внимание на то, что тело погибшей пробыло в воде чуть меньше часа. Установлено, что подсудимой не было дома между четвертью двенадцатого и половиной первого. Также по словам учителей центральной школы Эхо, подсудимая считалась одной из лучших пловчих в старшей школе. Это в нашем деле является одним из главных доказательств. И мне есть, чем его дополнить: Дакота Хейз ненавидела Сюзет Бранч и всячески нарушала её покой. А причина тому – ревность. Обе девушки были неравнодушны к Кеннету Адиссону, а он, в свою очередь, выбрал вовсе не мисс Хейз. Ваша честь, я предоставил суду весомое доказательство, а также мотив, которым руководствовалась подсудимая. Прошу признать Дакоту Хейз виновной в убийстве первой степени и назначить ей наказание в виде пожизненного заключения.

Прокурор проходит на своё место, и адвокат Роберт Баркер поднимается со стула, поправляет пиджак и выходит из-за стола.

– Это правда, что мисс Хейз была на озере в тот день, – говорит он.

Лицо его напряжено, он постукивает указательным пальцем по бедру и оглядывает зал с опаской, словно ждёт, что

его прервут и закидают тухлыми овощами. Но он старается не подавать виду – стоит прямо, не опуская головы.

– Причем одновременно с погибшей девушкой. Но они были там не одни. Подруги мисс Хейз – Грейс Бейли и Линнет Миллер – тоже купались в том озере. Они утверждают, что Дакота Хейз после небольшой перебранки с мисс Бранч ушла вместе с ними и всё время находилась в поле их зрения. А погибшая же была цела и невредима, когда они видели её последний раз. С вашего позволения, я хотел бы пригласить их в качестве свидетелей.

Девушки, сидящие передо мной, встают и направляются к трибуне.

– Клянётесь ли вы говорить правду и только правду...

Я пропускаю два абзаца и читаю заключение:

Дакота Хейз освобождена под залог.

Я вынырываю из этой статьи и жадно глотаю воздух, словно последние несколько минут провела под толщей воды. Я играла у этого озера в детстве. Родители моих друзей, которые живут в Эхо, сердились, когда видели нас рядом с озером, хотя никто даже не заикался о том, чтобы кинуться плавать – там слишком глубоко. Видимо, жители деревни до сих пор не забыли про утонувшую девушку, и воспринимают озеро Эхо как монстра, который в любой момент может утащить на дно. Всё могло бы обрести смысл теперь, но я сбита с толку пуще прежнего.

Папа выступал свидетелем в суде, где подсудимой была

мама. И причиной тому – убийство молодой девушки. По словам прокурора, отец был в отношениях вовсе не с моей матерью, а с погибшей Сюзет Бранч. К тому же, свидетельствовал против мамы в деле об *убийстве*. Как получилось, что они поженились и создали семью, если, согласно этой статье, мои родители – враги?

Закрываю газету и замечаю под заголовком черно-белую фотографию с места происшествия. Я торопливо пролистнула её, когда искала статью. Огромный дуб, расположенный у самого основания озера, толпа людей, обступающая человека, который держит в руках чьё-то безжизненное тело. Качество снимка довольно низкое, потому разглядеть лица почти невозможно. Не могу определить, где именно на фотографии мои родители, но с точностью скажу, что бездыханное тело принадлежит Сюзет Бранч. Где-то я уже слышала это имя. *Сюзет*. Кажется, из уст отца. Это не укладывается в моей голове, реальность оказалась хуже, чем я предполагала. Я кладу газету обратно и спешу убраться отсюда прежде, чем кто-нибудь поймает меня за этим занятием. Тихо возвращаюсь в свою комнату и запираю дверь.

Если детектив Дархам надеялся, что после прочтения в моей голове настанет порядок, и я преподнесу ему ценную отшлифованную информацию, то он глубоко ошибался. Такой каши из противоречий в моей голове не было никогда.

Мой взгляд невольно падает на сумочку, которую я швырнула на кровать. Из нее выпала синяя визитка, которую дал

мне детектив. В два шага я оказываюсь у кровати и беру её с намерением порвать, но мои пальцы вдруг нащупывают какие-то неровности на обратной стороне. Переворачиваю визитку. На ней крупными буквами нацарапано:

УБИЙЦА В ВАШЕМ ДОМЕ

Дрожь в руках приходит как что-то само собой разумеющееся. Я смотрю на надпись и сминая это послание, как и свою последнюю надежду на спокойную жизнь.

Глава 11

Солнечные лучи пробиваются сквозь небольшое пространство между шторами, время от времени меняя угол падения. Проходят минуты, часы. Уже, наверное, обед, а я даже не выходила завтракать. Тело побаливает от избытка сна, но сил встать у меня нет. Рядом на полу лежит медицинская энциклопедия. Вчера я решила прочитать об утопленниках; что с ними происходит в воде и можно ли спасти того, кто долго пробыл без кислорода.

В воде человек может сделать лишь два или три вдоха, при этом биться в судорогах от адской боли. Сюжет Бранч провела под водой около часа, а мозг утонувшего погибает через пять минут. Её невозможно было спасти, за такое время погибает не только мозг, но и тело.

Я столько лет пыталась выведать хоть что-то у родителей, узнать о наших родственниках, услышать историю нашей семьи, начиная с прабабушек и прадедушек, но вчерашний день омрачил все мои наивные стремления. Мне хочется отмотать время назад и сделать так, чтобы я никогда не брала в руки эту газету. Но пути назад уже нет – я запустила механизм, готовый зажевать целиком, попробуй только его остановить.

В дверь стучат. Я чуть приподнимаюсь и откидываюсь на спинку кровати.

– Я приготовила тебе обед, Дел, – говорит Дженис, просунув голову в дверной проём.

– Я не голодна.

Сестра проходит в комнату и садится на кровать. Я же накрываюсь одеялом с головой.

– Знаю, из-за чего ты грустишь. Я уже поговорила с Приамом. Он сказал, что отвезёт нас на могилу отца, как только достанет бензин.

Я стягиваю одеяло с лица.

– Правда?

– Да! – улыбается Дженис. – Может быть, даже сегодня. Но с одним условием...

– Съем я твой завтрак, – говорю я, – Голодной не останусь.

– Вот и прекрасно, – она встаёт. – Я приготовила крем-суп из моллюсков. Всегда мечтала это сделать! Жду тебя внизу – мне нужен твой отзыв.

Я закатываю глаза. Практически во всех Дженис видит потенциальных дегустаторов. Как-то раз в детстве я поздно пришла домой, а сестра застала меня с поличным. За исполнение просьбы не говорить маме, она заставила меня испробовать все разновидности приготовленных ей пончиков. После мне было так плохо от количества съеденного, что я не могла выпить даже воды.

Я спускаюсь вниз за обещанным обедом и застаю такую картину:

Дженис стоит, облокотившись о косяк двери и смотрит,

как Роки достаёт из багажника канистру с бензином. Её руки, сложенные на груди, опускаются, она срывается с места и бросается в его объятия. У меня сердце щемит от этой сцены. Думаю, даже неуклюжий Роки хочет, чтобы его любили не за канистру бензина, а просто так.

Я с трудом осиливаю завтрак, который сопровождается монологом Роки о том, что он часто рыбачит с отцом на Гамильтон пул и что прежде никогда не видел озеро такой красоты. Когда он собирается уезжать, Дженис любезно провожает его, не преминув сказать, что она может составить им компанию в следующий раз. Она всегда хватается за возможность сбежать отсюда – с пустыми карманами мы можем лишь ухватиться за поезд, который едет мимо. Безбилетникам остаётся надеяться только на удачу.

Приам, мрачно бубня себе что-то под нос, заливает бензин в бак. Я сажусь на заднее сиденье, а Дженис на переднее. В руках она сжимает букет дороникума, я же отдала предпочтение цветам купальницы. Сестра одолжила у мамы небольшую ленточку, чтобы мы могли обвязать ей цветы. Ехать с нами мама отказалась, потому что у неё «много работы».

– Отлично, – отзывается Приам, глядя на наши букеты. – У меня в кармане два доллара. Вряд ли хватило бы на цветы из магазина Холли.

Холли – это одноклассница Приама, у неё свой магазин цветов, и стоят они по нашим меркам недёшево.

– Не будем же мы вечно носить одни и те же цветы? –

спрашивает Дженис, округлив глаза. – Не может быть, чтобы у тебя не было пяти долларов на цветы.

– Если бы у меня было пять долларов, Джен, я бы заплатил за бензин!

Кладбище Форт Хилл находится на другом конце Уестфорда. Ехали мы минут тридцать, но даже после того, как Приам остановил машину и убрал ремень безопасности, Дженис продолжает сидеть на месте в попытках собраться с духом. Я выхожу из машины и распахиваю её дверь.

– Приехали, сестрёнка.

Пока Дженис выползает из машины, я подношу букет купальницы к лицу и вдыхаю успокаивающий запах.

– Ненавижу такие места, – бурчит она. – Здесь всё так мрачно.

– Это кладбище, – констатирует Приам, который идёт впереди нас. – А не ярмарка.

– Спасибо, успокоил, – язвит сестра.

– Всегда пожалуйста, – он оборачивается и подмигивает.

Мы находим протоптанную тропинку, которая ведёт к ржавой калитке, и это вместо того, чтобы подняться по грунтовой лестнице и войти через главные ворота, как все нормальные люди.

На кладбище никого, многие могилы заросли сорняками так, что те даже перекрывают имена покойников. Приам находит могилу папы и жестом нас подзывает. Я подхожу ближе, и невнятная надпись на надгробии, выведенная бе-

лой краской, складывается в знакомую череду букв: Кеннет Адиссон.

Букет белоснежных лилий лежит на могиле отца. Если судить по внешнему виду – цветы ещё не потеряли своей живости. Их, скорее всего, принесли не раньше, чем вчера.

– Видимо, кто-то из соседей проходил мимо и решил почтить память, – пожимает плечами Приам.

Лилии подрезаны так, что невооружённым взглядом можно определить – они побывали в руках мастера своего дела. В Уестфорде они не так популярны, как в других городах. Я видела прекрасный сад с белыми лилиями только в Эхо. Бабушка их очень любит. И только она умеет срезать цветы с ювелирной аккуратностью и точностью, которую я сейчас наблюдаю.

– Здравствуй, папа, – я наклоняюсь и кладу купальницу рядом с лилиями.

Дженис, которая ровняется со мной, не спешит класть свой букет. Она нервно теревит лепесточки и начинает отрывать их один за другим. В этот миг я понимаю, что вряд ли когда-нибудь расскажу своим брату и сестре о том, что узнала вчера. Они никогда не были такими же любопытными и никогда не интересовались всем, как я. Может, они не хотят знать? Что-то мне подсказывает (наверное, здравый смысл), что я должна уважать их решение.

Боковым зрением я замечаю, что мы больше не одни. Группа людей входит на территорию кладбища через глав-

ные ворота. Один из них – сторож. Это я поняла по его одежде: соломенного цвета хлопковая рубашка и изношенные темно-серые брюки. Я видела его на похоронах отца, он был в той же одежде, изменилась лишь одна деталь: сегодня на его лицо падает тень от шляпы.

Трое мужчин в костюмах следуют за ним до сторожки и ждут, пока он что-то там ищет. Я не слышу, о чём они говорят, но замечаю, как сверкнул значок на груди одного из них. Через минуту сторож выходит с лопатой в руках, и они вместе направляются к одной из могил.

– Дел, ты в порядке? – спрашивает Приам.

– Да, вы идите, я сейчас приду, – отвечаю я и склоняюсь к могиле отца, чтобы убрать небольшие сорняки. Если дать им прорости как на других могилах, избавиться от них будет очень тяжело.

Дженис и Приам уходят тем же путем, которым мы пришли. Я вырываю последний сорняк и поднимаюсь на ноги. До моего уха доносится звук врезающейся в землю лопаты. Я невольно поворачиваю голову и вижу, как сторож, орудуя лопатой, откапывает чью-то могилу. Мужчины в костюмах, окружив его, наблюдают за процессом.

Один из них, будто спиной почувствовал мой взгляд, оборачивается и смотрит в ответ. Я словно оказалась свидетелем того, чего мне видеть не стоило. Желание подойти и взглянуть на этот процесс поближе пробуждается во мне, ровно как и ощущение, что пора отсюда сматываться.

Не знаю, кого мне жалко больше: родных того, кого откапывают, или же самого покойника, которого решили потревожить. Я предвигу заголовки Уестфордских газет, где все будут тянуть из стороны в сторону историю о трупe, который ни с того ни с сего решили откопать, словно это какая-то заначка на заднем дворе. По пути домой машина начинает барахлить: дергается вперед, то замедляется, то ускоряется.

– Что за черт? – недоумевает Приам. Достает из бардачка носовой платок и вытирает пот со лба и шеи. – Когда приедем домой помоги мне с ремонтом машины, Дел. Будешь подавать инструменты. Завтра я уезжаю на вахту, отсрочку мне не дадут.

Дома я переодеваюсь в потрёпанное старое платье на случай, если придётся делать «грязную» работу во время починки машины. Пока спускаюсь по лестнице, слышу какой-то странный шум из кухни. Я ожидала увидеть Дженис, которая крутится у плиты в попытках приготовить что-нибудь необычное. Но это не она, это Приам пьёт чай.

– Я готова помогать, – заявляю я.

Тишина. Он даже не смотрит в мою сторону.

– О чём задумался? – я подхожу к столу и смотрю на него в упор.

Никакой реакции.

– Приам? – я машу рукой перед его лицом. – Ты меня разыгрываешь? Не игнорируй, иначе уйду и больше не спущусь!

Его стеклянный взгляд не меняется ни на толику. Он берёт чашку, подносит к губам и отпивает немного. Когда кладёт обратно на стол, я забираю её и держу подальше от него. Через несколько секунд его рука пытается нащупать чашку, но не находит её. Я обхожу стол и кладу руку на его плечо.

– Приам, – зову его я. – Ты меня слышишь?

Я пытаюсь повернуть его лицо к себе, но он сопротивляется.

– Ты же видишь меня, да? – я сжимаю его плечо со всей силы.

Но он всё также не реагирует. Брат берет со стола ложку и стучит по деревянной поверхности, затем встаёт и идёт в гостиную. Я следую за ним. Приам ложится на диван и включает телевизор.

Совершает привычные действия. Неосознанно.

Через минуту спускается Дженис.

– Я голодная, – протягивает она.

– Завидую твоему аппетиту, – я одариваю её угрюмым взглядом. – Твой брат впал в ступор.

Она зевает, потягивается, смотрит на лежащего на диване Приама и переводит взгляд на меня.

– Он просто смотрит телевизор.

– Он ни на что не реагирует, – отвечаю я. – Нужно вызвать врача.

– У нас нет денег на врача, Дел, – говорит Дженис.

– Мы не можем оставить всё так. Ему необходимо срочное

обследование!

– Ты просто сходишь с ума. Я думала, что с возрастом ты оставишь эту склонность преувеличивать всё, но стало только хуже.

– Ты тоже не изменилась, – говорю я. – Но я от тебя ничего и не ожидала.

– Послушай, Дел, – начинает Дженис.

– Это ты послушай, – говорю я, преодолевая головную боль. – Хватит говорить мне, что я ненормальная, хватит называть меня чокнутой фантазёркой! – я прерываюсь, чтобы сделать пару глубоких вдохов и выдохов. – Я просто беспокоюсь за вас.

– Хорошо, – она вскидывает руки в успокаивающем жесте, который я просто ненавижу. – Давай мы вместе сядем на кресло и будем наблюдать за ним.

Я киваю и сажусь на одно из кресел. Она хотя бы согласилась понаблюдать – это уже прогресс.

– Тебе не стоит так переживать за нас, Делайла, – продолжает Дженис. – Мы оба взрослые люди, и сами разберёмся со своими проблемами. Всё это – только в твоей голове. Тебе нужно научиться отличать реальность от этого параноидного бреда.

Не проходит и пяти минут, как Дженис начинает его звать. Приам по-прежнему не откликается.

– Слушай, братец, давай не будем доводить нашу младшую сестрёнку до нервного срыва и поговорим? Ответь же

наконец!

Тишина.

– Придурок, – бормочет она.

Проходит час, и Приам засыпает на диване. Дженис ёрзает в кресле и громко вздыхает. Она притащила тарелку с мясным рагу, потом приготовила нам кофе и каждую минуту шелестела обертками от конфет.

– Иди уже. – говорю я, – Дальше одна посижу.

– Тебе лучше тоже пойти отдохнуть, – сестра собирает с кресла фантики от конфет. – Сидеть здесь и пялиться на него просто бесполезно.

Стараюсь держать глаза открытыми, но усталость берёт верх, и я проваливаюсь в сон. При пробуждении первое, что чувствую – это боль в теле после нескольких часов в неудобной позе. Я выпрямляюсь и осматриваюсь. Диван пуст. Приам куда-то ушёл. Я подскакиваю и окликаю его. Слышу какой-то шум во дворе и выбегаю на крыльцо.

Приам, орудуя гаечным ключом, что-то вкручивает под машиной. Услышав шаги, он выкатывается и расплывается в приветственной улыбке.

– Эй, доброе утро. – он поднимается на ноги и оттряхивает рабочие брюки. – Я видел, ты уснула на кресле. Это же чертовски неудобно.

– Теперь ты решил со мной поговорить? – спрашиваю я, скрещивая руки на груди.

– Ну да, – недоумение на его лице почему-то вызывает у

меня гнев. – Мне нельзя говорить со своей сестренкой?

Приам берет канистру с бензином, которую привёз Роки и заливает остаток в бак.

– Вот как ты заговорил? А вчера был не очень разговорчивым.

– Подожди-подожди, – он издает нервный смешок и жестом руки меня останавливает. – В чём дело? Я что-то сделал не так? Всё же было хорошо, мы съездили и почтили память отца, вернулись домой и играли в карты на кухне. А потом я пошёл спать. Что такого я мог натворить, пока спал?

– Мы не играли в карты, – я качаю головой. – О чём ты говоришь? Не было никаких карт.

– Делайла...

– Я знаю, что говорю, – выпаливаю я. – Вчера ты попросил меня помочь тебе отремонтировать машину, когда приедем домой. Я переоделась в своё рабочее платье и спустилась вниз, а ты сидел за столом, пил чай и не реагировал ни на что, будто меня не существует! Ты... – я пытаюсь проглотить вставший в горле ком. – Потом ты разлёгся на диване, включил телевизор и не реагировал даже на Дженис.

Я знаю этот взгляд. Приам смотрит на меня, как на умалишённую, но в то же время он обеспокоен. Может быть, эта тирада напугала его, но я не могу больше молчать.

– Хорошо, – он облизывает обсохшие губы и кивает. – Зови Дженис, пусть она подтвердит твои слова.

Дженис уже проснулась, но не спешит спускаться вниз.

Приам моет руки под уличным краном прежде, чем зайти в дом.

– Что тут у вас? – отзывается наконец Дженис, сбегая вниз по лестнице.

– Приам хочет, чтобы ты подтвердила то, что произошло вчера.

– Да легко, – Дженис засучивает рукава своей салатовой рубашки. – Ты развалился на диване, смотрел телевизор и ни с кем не разговаривал.

– И всё? – вскидывает брови Приам.

– И всё.

– А в карты мы вчера играли? – допытываюсь я.

– Нет, – Дженис качает головой. – У нас есть карты?

– И все было нормально? Ничего странного с ним не происходило? – не унимаюсь я.

Дженис закатывает глаза.

– Ладно, – Приам глубоко вздыхает и устало улыбается. – Ночка выдалась тяжелой. Видимо, сон приснился, и я просто перепутал его с реальностью. С кем не бывает? Что же, время поджидает, мне пора бежать.

Он заходит в дом и скрывается за дугообразной лестницей. Я поворачиваюсь к сестре и говорю:

– Тунец, который ты приготовила позавчера, на самом деле был отвратительный.

– Зачем ты это говоришь? – она обиженно хмурится.

– Да просто хочу, чтобы в этом доме был хотя бы один

человек, который говорит правду!

Несколько секунд Дженис молча смотрит на меня в ответ, разворачивается и уходит. Я плетусь на кухню, завариваю себе кофе потемнее, чтобы взбодриться. По только что включённому сестрой телевизору крутят песню «Мост над бурными водами», которую исполняет дуэт Саймона и Гарфанкеля.

Когда Приам спускается, я допиваю кофе. Он одет в тот самый серый костюм, который я сдавала в химчистку неделю назад. За братом появляется и мама – она выписывает чек, даёт пару наставлений и уходит. Дженис машет ему рукой и снова приковывает своё внимание к телевизору. Я же бегу за ним к его машине.

– Тебе не стоит ехать, – говорю я. – Давай сначала померим тебе давление, температуру, съездим к врачу? Приам, это не займёт много времени...

– Хватит уже! – он открывает дверь машины и оборачивается, – Я проходил медосмотр две недели назад, когда босс нам велел. Я здоров и психически, и физически. Перестань делать меня слабым, прошу тебя! Что бы ты там не думала, ты вовсе не врач. Хуже всего осознавать, что твоя сестра думает, что ты тронулся умом. Здоровых не вылечить, Делайла. Смирись с этим.

Не дожидаясь моего ответа, он захлопывает дверь и тут же выезжает со двора.

Приам – единственная наша опора. Не удивительно, что

ни он, ни Дженис не хотят даже думать о том, что с ним что-то может случиться. Я вижу, что он обеспокоен, но пытается отогнать эти мысли от себя.

Я гляжу ему вслед, пока туман пыли не рассеивается. Даже если бы он стоял и ждал моей реакции, ответом было бы молчание.

В этой схватке я проиграла.

Глава 12

Несмотря на то, что мои доводы разнесли в пух и прах, я продолжаю расследование в своей комнате. Сложить пазл пока не могу, но попытаюсь всё упорядочить.

Подписываю стикеры для заметок и клею на Богом забытый календарь семьдесят второго года. От каждого симптома идёт стрелка, ведущая к следующему.

Потеря памяти. Чрезмерная потливость. Неосознанное повторение привычных действий. Головные боли.

С чего это началось? Я упускаю что-то важное, тяну к этому свои фантомные руки и пытаюсь ухватиться за краешек мысли, но она ускользает от меня. Ещё один симптом, который я не могу вспомнить...

Может, у Приама действительно преждевременно прогрессирующая болезнь Альцгеймера? Или деменция? Тот важный симптом, который мог бы пролить свет на часть пути к разгадке всё ещё там, где я не могу его достать. Почему я забыла нечто столь важное? Злюсь на себя и сокрушаюсь от попыток докопаться до истины.

Убийца в вашем доме.

Если есть слова, которые могут вызвать у меня физическую боль, то это они. Детектив ошибается. И я опровергну его слова. Я знаю, к кому мне идти. К человеку, который пришёл из ниоткуда и ушёл в никуда. К безымянному Докто-

ру. Как можно найти человека, не зная его имени? Преимущество лишь в том, что мне известна его профессия. Если отыскать человека по имени не представляется возможным, можно пойти туда, где он, предположительно, работает.

Я выбегаю из дома, когда на часах уже без пятнадцати два. Иду пешком до остановки и сажусь на автобус, который едет в центр города. Расплачиваюсь за проезд и схожу у госпиталя Алана Макбрайта. Это многоэтажное здание с белыми колоннами, фасадом и крышей с красной черепицей. Оно окружено зелёными насаждениями и цветочными клумбами, создающими спокойную и расслабляющую атмосферу.

Если судить по внешнему виду Доктора и его манере держаться, то вряд ли такой врач будет работать в какой-нибудь малоизвестной клинике. Если он в Уестфорде, то, вероятно, работает в одном из крупнейших госпиталей штата.

Медсестры снуют туда-сюда за стеклянными дверями. На крыльце расхаживают пациенты, которые вышли подышать свежим воздухом. Они переговариваются о чём-то, до меня долетают лишь обрывки фраз. Наверное, говорят о жизни или болезни, которая их мучает. Каждый хочет быть выслушанным. Больного лучше поймёт другой больной, чем здоровый.

Насколько я знаю, в таких больницах всегда принимают только по записи. Я поднимаюсь по четырёхступенчатой лестнице и выискиваю больного, который стоит в одиночестве. Пожилая женщина в инвалидной коляске сидит в уг-

лу одна, разглядывая растущие на клумбах цветы. Судя по непрекращающейся дрожи в руках и отчаянным попыткам держать голову ровно, её болезнь – это старость. Остаётся только надеяться на то, что зрение её тоже подводит.

– Добрый день, – подхожу я к ней, широко улыбаясь. – Как вы поживаете?

Она поворачивается и смотрит на меня снизу-вверх. Щурится в попытках разглядеть.

– Кто это? – спрашивает она. Я с трудом разбираю её слова, потому что зубы, как оказалось, у женщины отсутствуют.

– Я Мэри Мейкер. Ваша соседка. – говорю я. – Записалась к доктору сегодня в два, и вот, увидела вас. Не могла не поздороваться. Ваша медсестра сказала, что вы сидите на улице уже очень давно и вам пора подняться в палату и отдохнуть.

– Да, конечно... – она начинает суетиться и нащупывать руками колеса коляски. – А ощущение такое, словно меня выкатили сюда пять минут назад.

– Не волнуйтесь, я помогу. – я захожу за спину и толкаю коляску в сторону входа.

– О, не стоит, – выговаривает она с трудом. – Я могу и сама.

– Не волнуйтесь, – успокаиваю её я. – Мне совсем не тяжело.

Вот так мы беспрепятственно минуем регистратуру и поднимаемся на девятый этаж в палату номер сто семнадцать. Я помогаю бабушке лечь в кровать, подаю ей стакан с водой и

прощаюсь, ссылаясь на неотложные дела.

Как бы то ни было, доступа в офисные кабинеты врачей у пациентов нет, поэтому придётся вылавливать их в процедурных и смотровых. Моей первой целью становится смотровая специалиста по болезням желудка – гастроэнтеролога. Я наблюдаю в сторонке, как один из пациентов выходит оттуда. Значит, сейчас там только врач и мне нужно зайти, пока он не ушёл.

Когда я вхожу, мужчина в белом больничном халате удивленно вскидывает брови и сразу же спрашивает:

– Имя?

– Мэри Мейкер, – говорю я, сцепляя руки за спиной. – Записана на два часа.

Он качает головой и бубнит себе под нос, что просил клерков делать пятнадцатиминутный перерыв после каждого клиента.

– Странно, – говорит врач и хмурится. – В моём расписании вас нет.

Он закрывает журнал и смотрит на меня в упор.

– Но как вы видите, – отвечаю я. – Запись есть, и именно благодаря ей клерк из регистратуры меня пропустил. Я целых полчаса заполняла формы в надежде поскорее к вам попасть. Меня даже спросили о том, когда я последний раз чихала. Странно спрашивать об этом человека, который жалуется на боли в желудке. Вам так не кажется?

– Нет, – говорит он и улыбается, обрадовавшись возмож-

ности блеснуть знаниями перед невежественным пациентом. – Это делается в целях профилактики вирусных инфекций, мисс Мейкер.

– Действительно. – я касаюсь своего лба и сажусь на кушетку. – Я вижу, вы очень осведомлённый и образованный человек и обязательно сможете помочь мне с моей проблемой.

Он становится напротив меня.

– Так что же вас беспокоит?

Я рассказываю ему, что у меня очень болит желудок, но это сопровождается и другими симптомами. Потеря памяти. Чрезмерная потливость. Неосознанное повторение привычных действий. Головные боли. И ещё что-то, что я не могу вспомнить. Когда вижу его замешательство, мне становится тревожно. Видеть замешательство врача страшнее, чем ощущать собственное.

Он проводит пальпацию живота и выписывает направление на эндоскопию, а также черкает на бумажке предположительный диагноз: хронический колит. Когда выхожу из кабинета, я складываю выданный мне листок и кладу его в сумку. Следующий врач слышит ту же легенду, что и предыдущий и не отказывает мне в приёме. Когда озвучиваю все симптомы, его лицо озаряется пониманием.

– Всё ясно. – изрекает доктор и что-то пишет. – Есть предположение, что у вас рак.

– Рак чего? – недоумённо спрашиваю я.

– Мозга, конечно же.

Мне выписывают направление на рентген. Было ли ошибкой зайти к онкологу? Вряд ли. Иначе как я найду того самого доктора? Я ведь даже не знаю его специальности.

Захожу в следующую смотровую. На ней отсутствует табличка. Доктор оборачивается, как только я открываю дверь и переступаю порог.

– Мисс, вы уверены, что вам ко мне?

– А вы...?

– Уролог.

Невролог встречает меня довольно холодно. Хотела поспорить с моей легендой, но решила не вступать в конфликт и поскорее от меня избавиться. После того, как озвучиваю жалобы, она спрашивает:

– Что ещё?

– Искажение реальности, – говорю я.

Доктор снимает очки.

– Искажение реальности?

– Да, – я киваю. – Поддельные воспоминания.

И вот, после подобных описаний симптомов мне выписали очередное направление – я сижу в кабинете психиатра и играю с ним в гляделки. Он складывает пальцы домиком.

– А вы что-нибудь слышите? Голоса, например, которые уговаривают вас сделать что-то плохое, навредить себе или другим?

– Нет, – говорю я. – К сожалению, я пока в своём уме.

Он снисходительно улыбается, но глаза его остаются бесстрастными.

– Время нашего приёма подходит к концу, мисс Мейкер, но я очень надеюсь увидеть вас снова.

Если бы эти слова говорил не психиатр, мне было бы даже приятно. Но в данном случае я надеюсь, что больше не попадусь в эти паучьи лапы. Перед тем, как покинуть кабинет, я оборачиваюсь у самой двери:

– А вы не видели здесь одного Доктора? Довольного необычного...

– Какого? И что значит «необычный»? – брови психиатра ползут вверх.

– Он стар, умён, не называет своего имени, говорит загадками и любит зелёный цвет, – отвечаю я.

Психиатр откидывается на спинку стула:

– Жду вас у себя ровно через неделю. Время уточните у клерка. И не опаздывайте.

За три часа я обошла всех докторов дневной смены в госпитале, но так и не нашла того, кого искала. Обессилев, я плетусь домой пешком, не замечая проезжающие автобусы. Вздрагиваю, услышав полицейскую сирену. Сердце пускается вскачь от страха, что детектив и здесь меня нашёл. Но это просто патрульная машина, которая проезжает мимо.

Сегодня я выполняла две задачи: искала Доктора и обследовалась вместо Приама, чтобы получить список примерных диагнозов, которые подходят под его симптомы, однако яс-

нее мне не стало – врачи сбиты с толку не меньше, чем я. Может, стоит сравнить его симптомы с симптомами отца? Вдруг между ними есть какая-то схожесть?

Я останавливаюсь. У отца ведь есть история болезни! И, насколько я знаю со слов Приама, её забрал детектив. Вместо того, чтобы взбодриться и загореться новой целью, мне сильнее захотелось домой. Мысль о том, что придётся идти в Департамент полиции и видеться с детективом, который только и ждёт того, чтобы обвинить меня в какой-нибудь гнусности, вызывает острую головную боль.

Я много раз читала историю болезни отца и многое запомнила, но прошло несколько месяцев и, чтобы проанализировать что-то и сделать хоть какие-то выводы, информация должна быть у меня перед глазами.

Визитка детектива валяется смятая где-то в моей комнате. Когда я выходила из госпиталя на часах было ровно пять вечера. До конца рабочего дня остался всего час. С учётом того, что мне придётся ехать на автобусе, и потом пройти какое-то расстояние пешком, это займёт где-то полчаса. Даже когда сажусь на автобус и занимаю свободное место, я всё ещё сомневаюсь в своём решении, но обратного пути уже нет.

По пути в участок проезжаю мимо мечты всей своей жизни – Уестфордский медицинский университет, который каждый год приветствует новых студентов, в числе которых, к сожалению, не я. Я бы всё отдала, лишь бы оказаться на лек-

циях выдающихся профессоров, пройти практику в одном из лучших госпиталей и получить диплом. Тогда никто бы не смог сказать, что я не врач, а глупый любитель. Белый халат – это не просто форма, это знак того, что ты спасаешь людей, а вместе с ними и свою душу.

Я прошу остановить у Департамента полиции, на что водитель отвечает, что придётся пройти ещё пару кварталов. Я не знаю сколько сейчас времени, поэтому эти кварталы преодолеваю бегом. Джинсы из тонкой ткани с этой задачей мне только помогают, так как переживать о том, не задралось ли платье, не приходится.

Какой-то офицер, распивающий кофе у входа в участок, видит запыхавшуюся меня и хмурится, поднимает руку к лицу и смотрит на часы. Я вежливо здороваюсь с ним и толкаю дверь. Здесь охрана намного серьёзнее, чем в госпитале. Женщина-офицер мгновенно отводит меня за ширму, смотрит содержимое сумки и проверяет с головы до ног. И только после этого спрашивает о «цели моего визита».

– Мне нужно к детективу Леланду Дархаму, – говорю я. – Он здесь работает?

Офицер снова окидывает меня взглядом и произносит:

– Иди за мной.

В участок я пришла впервые, но сразу могу сказать, что здесь царит атмосфера пыли и бумаги. По коридору развешаны портреты разыскиваемых преступников. Кажется, что их глаза двигаются – они словно следят за каждым, кто бы-

вает в этих стенах и проходит путь вдоль коридора.

Когда мы доходим до кабинета детектива, офицер, видимо, не надеется на мою вежливость и стучится сама.

– Он у себя, – говорит она, прислушавшись. – Заходи.

Офицер любезно открывает дверь. Я становлюсь у порога и жду, когда меня пригласят войти.

– Добрый день, – говорю я.

– Я знал, что вы придёте, – детектив Дархам складывает руки домиком на столе и снисходительно улыбается. – Проходите.

– Я всё ещё знаю не больше того, что знала, когда вы оказались на пороге нашего дома, – говорю я.

– Неужели? – вскидывает брови он.

– Да, я пришла выпить с вами чашку чая, – я прохожу и сажусь напротив него. – Что ещё привело бы меня сюда?

Он расплывается в улыбке.

– Так вы пришли не для того, чтобы дать информацию мне. Вы хотите получить её от меня.

– Нет, конечно нет, – я качаю головой. – Я пришла предложить равноценный обмен.

Детектив Дархам нажимает кнопку на рабочем телефоне.

– Эмми, принеси две чашки кофе в мой кабинет, пожалуйста.

– Мне нужна история болезни моего отца, – говорю я напрямую.

Он не выглядит удивлённым, но в его глазах читается вопрос.

– Как вы знаете, мы прошли многих врачей, и никто не смог поставить ему точный диагноз. Нет диагноза – нет лечения. Несмотря на то, что вы называете меня любителем, я считаю нужным поверить в свои силы и попытаться разобраться во всём самой.

– Мисс Адиссон, – говорит он едким тоном. – На вашем месте я бы поумерил свои амбиции. Десятки лучших врачей оказались бессильны, а вы приходите и заявляете, что справились бы лучше, чем они?

– Интересно, сколько способных и талантливых людей вы погубили своим неуместным скептицизмом?

– Нужно быть реалистом.

– Нужно перестать оценивать чужие возможности и способности. Это вас не касается.

– Действительно, вы уже не ребенок, и сами несёте ответственность за всё, что происходит по вашей воле. Но я уверен, что вы умная девочка и спрятали все препараты, которые отпускаются строго по рецепту. Я прочёл историю болезни вашего отца, все назначения и выводы, но там и слова не было о Барбитале. Вы играете с огнем.

– Отдайте мне историю болезни.

– А была ли там болезнь, мисс Адиссон? Или вы наивно надеетесь, что болезнь имела место быть и ваш отец умер своей смертью?

Раздаётся стук в дверь – секретарша принесла кофе. Когда она ставит чашку передо мной, я беру её и делаю глоток. Горячая жидкость устремляется вниз по пищеводу, обжигая меня изнутри. Но только это сейчас способно помочь мне взбодриться.

– Предполагать бесполезно, – говорю я, когда за секретаршей закрывается дверь, и опускаю голову. – Я не могу ответить на подобные вопросы, но у меня есть другая ценная информация.

– Я слушаю, – он скрещивает руки на груди.

– Сначала отдайте историю.

– Хорошо, – он кивает.

Поднимается с места и достаёт из шкафчика серую папку. В этот момент моё сердце подпрыгивает, а дыхание сбивается. Детектив передаёт её мне.

Я гляжу на него исподлобья.

– Спасибо.

Он опускается в кресло и смотрит на меня в упор.

– Я правда не знаю ответов на ваши вопросы, но...

– Но? – он напрягается в ожидании.

– Но я видела одного доктора, которого пригласила к нам мама перед похоронами отца. Он не был похож на других врачей, отличался всем, чем только можно. Даже не назвал своего имени, лишь профессию, и после этого пропал бесследно.

– Бесследно, значит, – говорит он, словно наматывает ин-

формацию на мысленный клубок в своей голове. – Больше он ничего не сказал?

– Было ещё кое-что странное, – отвечаю я, хмурясь. – Я сказала ему, что он пришёл довольно поздно, что тот, кого нужно было лечить, уже умер. Но он ответил, что пришёл как раз вовремя.

Детектив сосредоточенно пишет что-то в своём блокноте.

– Опишите как он выглядел.

– Он стар, – я склоняю голову набок. – Седой, высокий, улыбчивый, глаза голубые. В госпитале Алана Макбрайта его нет. Думаю, он приезжий. Раньше никогда его здесь не видела.

– Как я понял, вы его искали, – предполагает детектив. – Видимо, я не единственный, кто хочет докопаться до правды.

– Мы ищем разную правду, детектив, – я поднимаюсь со своего места с намерением уйти.

Он откладывает блокнот в сторону, хлопает руками по подлокотникам и тоже встаёт.

– Спасибо за информацию, мисс Адиссон. Обещаю, что поделюсь с вами, когда разыщу этого доктора. Ваш домашний номер у меня записан.

Я киваю. Раз Доктора не смогла отыскать я, то пусть за дело возьмётся профессионал. Надеюсь, он не сильно расстроится, если узнает, что я пустила по его следу детектива.

Глава 13

Домой я приезжаю затемно. На первом этаже Дженис смотрит телевизор, не обращая внимания на скрипнувшую входную дверь. Любой воришка сможет унести из нашего дома всё ценное, если оставить Дженис за главную. Я неодобрительно качаю головой и поднимаюсь по лестнице. Оказавшись в своей комнате, опускаюсь на пол и достаю из сумки все бумаги с назначениями и предположительными диагнозами, которые мне выдали в госпитале Алана Макбрайта.

Я раскладываю их перед собой, открываю историю болезни отца и сверяю. Эти диагнозы ставили и отцу. Опухоль мозга, вегетососудистая дистония, маниакальный депрессивный психоз, есть даже Альцгеймер и деменция, которые подходят больше всего, но не объясняют всех симптомов.

Я открываю страницу двадцать четыре и читаю заключение психиатра:

У пациента наблюдаются серьёзные нарушения в психике, вызванные ничем иным, как биполярным расстройством личности первого типа. Я глубоко убеждена, что длительное пребывание в недвижимом ступоре и внезапное кратковременное исцеление от этого недуга говорит нам о точности поставленного диагноза. Было проведено соответствующее лечение, но результат не показал никаких изменений.

У других больных биполярным расстройством первого типа наблюдаются улучшения, но для Кеннета Адиссона лечение оказалось бесплодным. В истории медицины есть задокументированные случаи, когда организм человека не воспринимает лечение, которое является эффективным для ста процентов больных. Мистер Адиссон причисляется к одному из них. Прогнозы неутешительные.

Через пару страниц заключение хирурга:

Я полагаю, что пациент, поступивший к нам с определённым рядом симптомов, вовсе не очередная загадка для медицины, а очевиднейший случай черепно-мозговой травмы тяжёлой степени. Кеннет Адиссон работает строителем, находится в одной из самых опасных точек в сфере труда и никак не застрахован от падения с высоты или удара тяжёлым строительным предметом. По словам его коллег, пациент не всегда носил каску и часто находился на рабочем месте без защитного снаряжения. Исходя из моего опыта, я уверен, что урон здоровью Мистера Адиссона нанесла травма, полученная на рабочем месте. Но рентген никаких патологий не выявил. Я счёл необходимым передать пациента другому врачу.

На следующей странице заключение дементолога:

Пациент жалуется на большие провалы в памяти, что можно охарактеризовать как следствие болезни Альцгеймера или деменции. Но я заметил нечто необычное – аномально высокое давление на протяжении длительного вре-

мени. Команда врачей во главе со мной вела учёт давления пациента каждый час, чтобы уловить малейшие колебания. Благодаря слаженной работе нам удалось выявить ещё один немаловажный и довольно опасный симптом – перебои в работе сердца. Ввиду моих сомнений в верности поставленного диагноза, я передаю своего пациента одному из лучших кардиологов в нашем госпитале.

Заключение кардиолога:

Удалось выявить деформацию таламуса, которая наблюдается у пациентов, переживших крупноочаговый инфаркт. Рубцы на сердце или другие признаки пережитого инфаркта не обнаружены. Назначено повторное обследование.

Невролог:

Исчерпывающим доказательством, что у Кеннета Адисона случился инсульт, служат все перечисленные ранее симптомы. Перебои в работе мозга являются следствием нарушения кровообращения, разрывом или закупоркой артерий, после чего начинается необратимое отмирание клеток. Однако тромбы или разрывы не были обнаружены при полном и повторном обследовании пациента, отмершие участки мозга также не выявлены. В связи с результатами обследования диагноз остаётся под вопросом.

После прочитанного я начинаю путаться, не в силах выстроить логическую цепочку в своей голове, поэтому просто пробегаюсь глазами по следующим заключениям.

Терапевт:

Вегетососудистая дистония имеет место быть... но обследование не дало чётких...

Психотерапевт:

Мой диагноз – маниакальный депрессивный психоз... на моей практике... неоднократно... симптомы одинаковы... нельзя исключать вероятность, что пациент симулирует болезнь.

Онколог:

В моей профессиональной деятельности... ни что иное, как саркома... я уверен... наиболее опаснейший вид рака... диагноз окончательный... начнём лечение с завтрашнего дня.

Ни один из этих докторов не смог помочь отцу, его состояние не менялось от лечения к лечению, и опускать руки начали не только доктора, но и мы – его семья. Некое сходство в состоянии Приама и отца я всё же нахожу – внезапная потеря памяти. Это просто совпадение или между этим есть какая-то связь?

Понутру я просыпаюсь на полу, заваленная кучей бумаг. Через пару секунд осознаю, что разбудили меня вовсе не мои биологические часы.

К нашему дому подъехали машины.

Я встаю, поправляю помятую одежду и покидаю комнату. Дверь на первом этаже заперта, и кто-то решительно в неё стучится. Сбегаю вниз по лестнице и сразу подаюсь к окну, чтобы взглянуть на незваных гостей. Во дворе стоят две ма-

шины, и одна из них – черный дождь коронет. Трое мужчин стоят на крыльце, переминаясь с ноги на ногу. Я едва вижу третьего – его загородили двое других – но с ним что-то не так. Он сгорбился, голова его висит, он топчется на одном месте, словно пытается вернуть силу обессилевшим конечностям.

На лестнице скрипит ступенька. Мама.

Она спускается и распахивает дверь так, словно давно кого-то ждала. Трое мужчин оказываются в нашей гостиной. И теперь я могу разглядеть и узнать в третьем мужчине своего брата. Я замираю на месте, не в силах вымолвить ни слова. Они усаживают его на диван.

– Что произошло? – спрашивает мама.

Я подхожу к Приаму и беру его за плечи. Его глаза смотрят в одну точку неотрывно, словно он не слышит и не видит ничего.

– Всё было как обычно, – говорит один из мужчин. Его усы блестят от пота. – Но Приаму вдруг поплохело, мы отвезли его вчера в один из местных госпиталей, но они там все разводили руками. Главный доктор в этой больничке сказал, что с ним всё хорошо. Но у них не хватало оборудования, и нам пришлось везти его в город, то бишь сюда. Может, он переутомился? На улице настоящее пекло. Машину его мы пригнали, пусть возьмёт парочку выходных.

– Спасибо, что позаботились о нём, – говорю я.

– Нам пора, – говорит второй. – Работа не ждёт.

Пока мама закрывает за ними дверь, я задергиваю все шторы, чтобы солнечный свет не попадал в комнату. Она даже не спрашивает, что и зачем я делаю, лишь молча наблюдает. Я оставляю единственный источник света – лампу – и подхожу к Приаму, обхватываю его голову руками и поворачиваю лицом ко мне. И словно испытываю дежавю. Образ отца с его пережившимися в последние месяцы жизни глазами предстаёт передо мной, и я понимаю, что дальше будет только хуже.

– Они карие, – говорит мама. – У него слишком темные глаза, ты ничего не сможешь там разглядеть. Не делай из мухи слона.

– Какая ты оптимистка, – язвлю я. – Успокаиваешь себя?

– Ты не врач, Делайла, – говорит она с нажимом.

Громкие шаги Дженис заставляют меня вздрогнуть. Она останавливается на лестничном пролёте.

– Что у вас случилось с утра пораньше?

– Роки учил тебя водить машину? – спрашиваю я.

– Ну да, – говорит она неуверенно. – Это что, Приам?

До машины брата тащим только мы вдвоём, пока мама хмуро наблюдает за всем происходящим, словно готовится ткнуть пальцем в нашу безалаберность. Несколько минут мы стоим на месте, потому что Дженис нужно вспомнить, как именно заводится машина. Я сижу с Приамом на заднем сидении, придерживая его за плечи. Когда машина, наконец, заводится, мы не без труда выезжаем со двора, чуть задев ко-

лесами ростки осенних роз. Я оборачиваюсь и бросаю взгляд на маму, которая стоит на пороге и взглядом провожает удаляющуюся от дома машину.

В больницу Алана Макбрайта мы доезжаем за десять минут. Дженис выходит из машины и бежит в клинику за помощью. Я вздыхаю с облегчением, когда вижу двух медбратьев, которые следуют за ней к нашей машине. Распахиваю дверь и подталкиваю Приама к краю, чтобы им было легче его вытащить.

– Что произошло? – спрашивает один из медбратьев.

– Не знаю, – отвечаю я. – Я не знаю, что с ним.

– К терапевту, – говорит он второму после проверки пульса Приама и поворачивается ко мне. – Его пульс и дыхание в норме, поэтому мы не можем передать его в реанимацию.

Мы с Дженис следуем за ними по больничному коридору, который мне уже знаком. Докторов, которые были вчера, сменили другие. Когда Приама усаживают в инвалидное кресло, с нами остаётся только один медбрат, который торопливо катит его вперёд.

В приёмную терапевта нас не пускают, и мы остаёмся ждать за дверью. Время от времени врачи информируют о состоянии брата. Его направляют на экстренные анализы. Мне предлагают отобедать, но я отказываюсь – запах больницы вызывает у меня тошнотворное чувство тревоги, из-за которого даже кусок в горло не пролезет. Наступает вечер, а я всё также жду в коридоре, расхаживая по нему, словно

душевнобольная, запертая в четырёх стенах.

Дженис заснула на одном из небольших диванчиков для ожидания после того, как съела медовую булочку и запила её кофе из автомата. Когда врач, наконец, выходит к нам, я устремляюсь к нему.

– Он пришёл в себя, – заключает он. – Однако возникли некоторые сложности в постановке диагноза...

Эти слова отдаются эхом в моих ушах.

– Анализы в норме, сердце, легкие, печень и репродуктивные органы – тоже. Могу предложить вам обратиться к психиатру или пройти обследование ещё раз.

Я поворачиваюсь в сторону кулера, из которого набирает воду какой-то мужчина. Звук льющейся воды заполняет опустевший к вечеру коридор, и только в этот миг я понимаю, что задержала дыхание. Я втягиваю ртом воздух так, словно сейчас упаду замертво. Доктор делает шаг ко мне и протягивает руку к моему плечу, но не касается его. Трудности с постановкой диагноза...

– Я могу вам чем-нибудь помочь? Пройдёмте в мой кабинет, я дам вам успокоительное...

– Я хочу увидеть брата, – говорю я.

Доктор открывает дверь смотровой, приглашая меня войти, но я замираю на пороге. Приам встаёт с койки и начинает натягивать одежду – жёлтую футболку, покрытую пятнами и голубые льняные брюки. Он обувается, грубо сминая старые ботинки, и направляется в нашу сторону. Я преграждаю ему

путь.

– Приам, постой... – я не успеваю договорить, брат хватает меня за плечи и отодвигает со своего пути.

Мне ничего не остаётся, кроме как разбудить Дженис, схватить её под руку и бежать вслед за братом. Мы спускаемся на первый этаж и спрашиваем клерка, не видел ли он здесь белокурого мужчину в жёлтой футболке. Клерк отвечает, что он выбежал из здания буквально минуту назад. Искать Приама снаружи не приходится – он ждёт нас в машине, сидя за рулём. Я мгновенно задаюсь вопросом: как он открыл дверь, если ключи у Дженис? Вопросительно смотрю на сестру, а та отвечает мне виноватым взглядом. Мы не закрыли машину перед тем, как зайти в клинику! Она простояла открытая до самого вечера. Нам повезло, что её никто не угнал.

Брат опускает окно:

– Садитесь.

Дженис вырывается из моей хватки, садится на заднее сидение и протягивает брату ключи.

– Так и будешь стоять? – спрашивает меня Приам.

Я не боюсь умереть, я боюсь глупой и напрасной смерти, которую можно легко избежать. И, кажется, он по глазам понимает, о чём я думаю.

– Я буду водить аккуратно, – обещает Приам.

– Куда мы едем? – спрашиваю я прежде, чем сесть в машину.

Ответ не заставляет себя ждать:

– Домой.

Глава 14

Несмотря на то, что Приам действительно ведёт машину аккуратно, как и обещал, нервное напряжение между нами только возрастает. Я даже не решаюсь задать вопрос, боясь нарваться на его гнев. Висящая в воздухе тишина, кажется, ничуть его не беспокоит – он ни разу не повернулся в мою сторону, хотя я сижу на переднем пассажирском сидении.

На полпути домой Приам сворачивает на заправку, чтобы заскочить в магазин. До его возвращения я молча слушаю, как Дженис всхлипывает на заднем сидении. Я понимаю, что происходящее её пугает, но не знаю, как можно утешить в такой ситуации, поэтому просто говорю:

– Не волнуйся, сейчас мы приедем домой, и все будет хорошо.

Возвращается брат с двумя огромными пачками крекеров с каким-то незаурядным французским названием. Он разрывает упаковку и, зачерпнув крекеры рукой, заталкивает их в рот. Я сжимаю губы и отворачиваюсь к окну. Желание выскочить из машины и пойти домой пешком душит меня, но я отвлекаюсь на уличные фонари, мелькающие за окном, и стараюсь дышать размерено.

По приезде домой Приам желает всем спокойной ночи и скрывается за дугообразной лестницей.

– Я тоже спать пойду, – говорит Дженис. Её волосы спу-

тались и выглядят грязными, лицо бледное и безжизненное. Она идёт к холодильнику, распахивает дверцу, берёт контейнер с едой и поднимается по лестнице. – С меня хватит на сегодня.

Мама же не показывается никому на глаза. Лишь звук работающей швейной машинки даёт знать, что она жива.

Что остаётся делать мне? Я иду к дивану, шарю по нему руками в поисках пульта и включаю телевизор. Как-нибудь в другой раз останусь наедине со своими мыслями, но только не сегодня. Так и засыпаю на диване, предвидя, как сильно будет болеть к утру спина.

Просыпаюсь я среди подозрительной тишины, что пугает меня гораздо сильнее, чем пробуждение от жуткого шума. Болит не только спина, но и шея, из-за чего встать с дивана удаётся не сразу. Но, как только встаю на ноги, поднимаюсь в комнату Приама, чтобы узнать, как он себя чувствует. Когда распахиваю дверь, мой взгляд падает на пустую кровать, я переступаю порог. Подначиваемые ветром, белоснежные тонкие шторы буквально летают по комнате. А между ними, словно Божий посланник, стоит мой брат. Приам смотрит в окно и даже не реагирует на вторжение.

По полу разбросаны крошки и кусочки крекеров: некоторые съедены наполовину, остальные сгрызены по самый край, словно он стремился откусить себе пальцы.

– Ты не спал всю ночь? – спрашиваю я.

Приам поворачивается ко мне, и его лицо приводит ме-

ня в ужас. Темные, почти черные круги под глазами, бледное, измождённое лицо, побелевшие и потрескавшиеся губы. Весь этот пугающий образ завершает трясущаяся рука, что держит канцелярский нож между средним и указательным пальцем. Брат не отвечает, лишь смотрит на меня в упор пустыми и лишёнными жизни глазами.

Если бы вчерашний день включал в себя хотя бы ужин, думаю, я легко выдержала бы этот взгляд. Но я сгибаюсь пополам от жгучего спазма и приступа тошноты. Пустой желудок лишь ухудшает положение – меня словно вот-вот вывернет наизнанку, стошнит собственными кишками, и я умру прямо здесь от боли и страха.

Чья-то теплая рука касается моего плеча. Рука живого человека всегда тёплая. Я поднимаю голову и вижу обеспокоенное лицо Приама. Значит, он живой. Тепло, исходящее от него, тому подтверждение. Это последняя мысль, которая посещает меня перед тем, как я проваливаюсь в забытие.

* * *

Сегодня одиннадцатое августа. Прошло два дня с тех пор, как я упала в голодный обморок. Дженис уехала праздновать свой день рождения с Роки и его семьёй. Ей исполняется двадцать пять. Испечённый мной торт лежит в холодильнике, дожидаясь именинницы, которая, вероятно, вернётся только к вечеру. Я же, услышав новости о неделе книгообмена в од-

ном из книжных магазинов, устремляюсь туда. Вчера мисс Блейнт любезно поделилась этой новостью с Дженис, чтобы та передала мне.

С собой я прихватываю пару романов сестры, которые она прочла и бросила под кровать (я нашла их там во время генеральной уборки). Она сказала выкинуть их за ненужностью, но я сохранила книги, хоть и не питаю интереса к этому жанру. И вот настал день, когда они понадобились. Я могу обменять их на хорошенькую медицинскую энциклопедию! Большинство людей обожают романы, для них они намного ценнее и интереснее любой специализированной литературы. Я заимствую одно из лёгких шифоновых платьев Дженис и выбегаю из дома без цента в кармане, но с полным багажом надежд.

Сегодня очень жарко. Солнце находится высоко над горизонтом, от тротуара едва ли не исходит пар. Я стараюсь шагать быстрее, так как переживаю, что мои старые балетки начнут плавиться и прилипнут к горячей поверхности. Но времени ждать прохладного вечера нет, сегодня пятница – последний день книгообмена. Если всё ценное разберут, я останусь ни с чем ещё на год, а денег на новые книги у меня нет. Денег на автобус тоже нет, потому добираюсь пешком чуть ли не вприпрыжку из-за обжигающего ступни тротуара.

В Уестфорде мало деревьев – возможность спрятаться от солнца в тени выпадает крайне редко. Западный Техас довольно засушливое место. Коренные жители, включая меня,

привыкли жить в этом котле, и вовсе не падают в обморок от жары, как многие приезжие. Воздух на улице тоже горячий, вдыхаешь и чувствуешь, как всё нагревается внутри.

Когда распахиваю дверь книжного магазина, я уже чувствую, как горю и изнутри, и снаружи. Людей, как и ожидалось, сегодня очень много. Я пытаюсь протолкнуться между ними, попутно извиняясь за отдавленные ноги. Ищу глазами ту самую заветную коробку с книгами на обмен и, когда нахожу, двигаюсь к ней.

Продавец с счастливой улыбкой советует клиентам какую-то новинку, а я, слушая его вполуха, копаюсь в куче специализированной литературы про садоводство, готовку, психологию и разведение кроликов. Я кладу одну из принесённых мной книг в стопку с романами и забираю себе книгу с рецептами, чтобы подарить её Дженис.

Двигаюсь к двум другим стопкам, чтобы найти нужную мне книгу, но нахожу только энциклопедию путешествий и насекомых. Я чувствую, как отчаяние подкатывает к горлу, когда остаётся только одна стопка. Разбираю её дрожащими руками и с трудом верю в свою удачу, когда у меня в руках оказывается медицинская энциклопедия с более чем четырьмя тысячами болезней и симптомов. Авторство Тристана Гловера. Самая большая энциклопедия, которая у меня есть, описывает только полторы тысячи болезней и симптомов.

Я рассматриваю книгу с восхищением несколько минут, едва подавая признаки жизни. Крепко сжимаю её в руках,

словно ребёнок, который боится, что у него отнимут дорогую сердцу вещь. Энциклопедия довольно старая, переплёт немного деформирован, но страницы целые и чистые.

Боковым зрением я замечаю, что продавец внимательно смотрит на меня, и кладу два романа в ту же стопку, что и первый.

– Взяла две книги, – говорю я ему. – А положила три.

Он широко улыбается и кивает.

– Приятного чтения. Эта энциклопедия – большая редкость. Вам повезло, что вы заметили это издание раньше меня, иначе я непременно забрал бы его и выставил на аукционе.

После слов продавца я спешу покинуть магазин, потому что присутствующие вдруг начинают интересоваться книгой, которую я уже провозгласила своей.

Будучи в нескольких десятках ярдов от дома, я наблюдаю, как почтальон бросает какой-то белый конверт в наш почтовый ящик. Если бы это произошло при жизни отца, я бы не придала этому никакого значения, но сейчас и время другое, и обстоятельства тоже, а окна из комнаты мамы не выходят во двор.

Я вытаскиваю шпильку из пучка волос и просовываю в щель в том месте, где виднеется запорный механизм. Немного надавливаю на язычок и отодвигаю его. Дверца открывается, я достаю из ящика письмо и закрываю его тем же способом с помощью шпильки.

Как только захожу в дом понимаю, что Дженис ещё не вернулась – стол и раковина пусты, нет никаких следов поедания торта. Хотя она и обещала половину дня провести со своей семьёй, я знаю, что вернётся она только поздно вечером. Приам попросил его не беспокоить, так как очень устал за последние дни и хочет отоспаться. А мама, как всегда, занята работой.

Я поднимаюсь в свою комнату и шарю по выдвижным шкафчикам в поисках ножа для бумаги. Всё-таки надо быть осторожной с этим письмом, чтобы потом вернуть его в ящик без единого намёка на то, что его читали. Не может не тревожить и то, что отправитель – это банк Синклейс. Если мы влезли в долги, то с безработным Приамом никогда не сможем по ним расплатиться.

Использовать нож у меня не получается, потому что закреплено оно вовсе не сургучом, а обычным бумажным клеем для писем. Я медленно отлепляю его дюйм за дюймом – внутри меня всё трясётся от страха порвать бумагу. Вздых облегчения не заставляет себя ждать, когда достигаю своей цели. Я вытаскиваю содержимое конверта и разворачиваю единственный документ, который там есть. В глаза сразу же бросается следующая строка: «Сумма на вашем банковском счёте составляет 300.000\$». Держатель счёта – Дакота Адиссон.

От такой суммы у меня темнеет в глазах. Я не представляю, как можно заработать такие деньги, даже нако-

пить столько для нашей семьи невозможно. Я ожидала увидеть бесчисленные долги, но реальность оказалась куда более обескураживающей. Дрожащими руками я кладу документ обратно в конверт и аккуратно заклеиваю его. Ориентируясь на звук швейной машинки, я бегу вниз, чтобы вернуть письмо в почтовый ящик до того, как все спустятся к ужину.

На что мама копит? С одной стороны, я злюсь, что она, обладая такими деньгами, заставляла Приама работать на износ, что никогда не протягивала мне и цента, хотя в жизни было много моментов, когда я так в этом нуждалась. Насчёт Дженис не могу точно сказать даёт ей мама деньги или нет. Сестра никогда не распространяется о своих «сделках» с ней. С другой стороны, я понимаю, что деньги мамы неприкосновенны, мы не имеем никакого права на них, так как уже совершеннолетние. К тому же я давно перестала нуждаться в маме или рассматривать её как человека, который мог бы помочь.

Я решаю умолчать о том, что мама – обладательница огромного (по крайней мере, для нашей семьи) состояния. Если она узнает, что я копалась в её почте, ничего хорошего меня не ждёт. Эта сумма может быть результатом продажи золота, другого приданного мамы, а также – её работы. Она шьёт каждый день, за что получает деньги. Но мне не даёт покоя мысль, что мама могла взять эти деньги в кредит. Надеюсь, она знает, что делает.

Глава 15

Как я и предсказывала, Дженис возвращается домой вечером. Я отрываюсь от чтения своей новенькой энциклопедии, когда слышу подъехавшую к дому машину и следующий за ней скрип входной двери. В тишине нашего дома легко слышать происходящее на первом этаже.

– Он не испортился? – с сомнением спрашивает сестра, когда видит меня спускающейся по лестнице.

Как только переступила порог, она сразу же побежала к холодильнику – на каждый день рождения сестры я готовлю её любимый ореховый торт. Это стало чем-то вроде семейной традиции, и нарушить её всё равно что разрушить единство семьи.

– Нет, – отвечаю я, сжимая в руке маленький томик с рецептами. – Я не держала его в этой духоте, сразу положила в холодильник.

Дженис расплывается в улыбке и поднимает глянцевый пакет, который держит в руках.

– Я привезла нам вино, – она достаёт бутылку и рассматривает. – Каберне совиньон стэгс лип дистрикт. Угадай сколько стоит?

– Я в этом не разбираюсь, – пожимаю плечами я. – И сколько?

– Сто пятьдесят долларов!

– Сто пятьдесят... Откуда у тебя такие деньги?

– Я его и не покупала. Стащила из винного погреба родителей Роки, – торжественно заявляет Дженис.

– Он, конечно же, этого не заметил. – я закатываю глаза. – У меня для тебя есть ещё кое-что.

Схожу с лестницы и протягиваю сестре книжку, обвязанную подарочной ленточкой, которую нашла в мастерской мамы.

– Вау! – её глаза загораются, когда она видит обложку с аппетитным куриным филе. – Я уже говорила, что обожаю тебя?

– Очень редко, – усмехаюсь я.

– А к нам больше никто не присоединится? – сестра принимается раскладывать тарелки и бокалы на кухонном столе.

Я иду к шкафчику с журналами.

– Никто, кроме него, – выуживаю оттуда фотоаппарат.

Дженис тут же требует, чтобы я сфотографировала её с бутылкой вина, что не может не огорчать. Я хотела, чтобы первый снимок в день её рождения был наш общий. Но мне не привыкать, я занимаю очередь за бутылкой вина и смиренно жду. Щелчок, и одно место на плёнке принадлежит новому члену семьи – дорогостоящему алкоголю. Дженис обнимает меня за плечи и широко улыбается, когда я вытягиваю руку с камерой, чтобы заснять нас.

– Вам помочь?

Поверх руки, которая держит камеру, появляется белоку-

рая голова с растрепанными волосами. Приам шаг за шагом спускается с лестницы, засунув руки в карманы.

– Правда, я без подарка...

Дженис срывается с места, бормоча что-то про ещё одну тарелку и бокал. Я не опускаю камеру, а лишь разворачиваю её, чтобы запечатлеть на плёнке парня, который медленно спускается по лестнице. Он застывает от яркой вспышки перед тем, как свернуть за угол. Столб пыли поднимается в воздух со встревоженного граммофона. Приам вставляет туда пластинку.

– Надеюсь, он ещё работает, – говорит он, откашлявшись.

Гостиную и кухню заполняет песня Элвиса Пресли «Jailhouse Rock».

– Ну, – подытоживает Приам, отряхивая руки от пыли. – Кто хочет потанцевать со мной?

– Конечно же я! – вскрикивает Дженис. – Я же именинница, должна быть первой.

Она бежит к Приаму и кладёт одну руку ему на плечо, а другой обхватывает его ладонь. Сначала движения осторожные, оба время от времени смотрят вниз, чтобы видеть, куда ставить ноги. В такт льющейся музыке они кружатся в гостиной, словно это первый и последний день нашей жизни. Не было никакого вчера, не будет и никакого завтра. Есть только сегодня и этот невыносимо прекрасный миг, который озаряется вспышкой фотоаппарата под залиvistый смех Дженис.

Наступает моя очередь, я отдаю камеру сестре, а сама спе-

шу к брату. Мы кружимся в танце, нарушая одно за другим правила этого тихого дома, привнося свет и шум в эту мёртвую обитель. Хочу, чтобы этот миг длился вечно, хочу застыть в этом танце с той безмятежностью в душе, о которой всегда мечтала. Когда Приам чуть приподнимает меня и отрывает от пола, кружась, я невольно начинаю смеяться. Меня озаряет вспышка, а затем ноги снова касаются пола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.